

ПСИХОАНАЛИЗ И ФИЛОСОФИЯ

Опираясь на «Слова»: психоанализ автобиографии

О. В. Павловская, С. В. Романчук

Павловская Ольга Виленовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, журналистики и медиа Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета.

Романчук Станислав Владимирович – психолог частной практики.

В статье предпринимается попытка подойти к автобиографическому тексту Ж.-П. Сартра как к материалу клиента в психоанализе. Таким образом мы представляем новый взгляд на экзистенциализм в его историческом контексте и объясняем феномен многолетней популярности философа. В исследовании мы исходим из предположения, что любые попавшие в «Слова» элементы биографии обладают аффективной значимостью для автора, следовательно, в каком-то смысле правдивы, но оставляем за собой свободу интерпретации этих элементов и критически относимся к рефлексии философа. Мы вносим в традицию анализа исторических текстов достижения современного (интерсубъективного) психоанализа: помимо модели интрапсихического конфликта используем модель дефицита и модель травмы. Последовательно рассматривая ролевые характеристики членов родительской семьи Сартра и самого маленького Жан-Поля, а также защитные паттерны Сартра-маленького и Сартра-взрослого, мы классифицируем структуру его личности как преимущественно нарциссическую. Мы констатируем, что оставшиеся непереработанными переживания внутренней пустоты, стыда, неподлинности своего бытия, самозванства, которые во многом определили тематику его философии и литературных произведений, не позволили Сартру адекватно дифференцировать свои детские эмоциональные состояния. Также лишь частично удалась компенсация дефектности Я при помощи литературного творчества, однако это творчество все же сделало Сартра «гуру эпохи». То, что он предъявил, современники ощутили как выражение их собственного проблемного материала, до этого не осознанного и бесформенного, а также как смысловое пространство, в котором этот материал можно разместить.

Ключевые слова: экзистенциализм, интерсубъективный психоанализ, автобиография, структура личности, нарциссизм, дефицит, селф-объектная функция, групповая динамика.

Статья посвящена попытке понять феномен «сартрианы» в 60-е годы XX века с помощью анализа структуры личности, которая «прочитывается» и в литературном, и в философском наследии Ж.-П. Сартра.

Манифестное заявление Сартра «Экзистенциализм – это гуманизм» 1946 года как будто раз и навсегда объясняет и природу этого философского направления, и причину популярности автора данной работы, склоняя нас фиксировать внимание именно на заявленных здесь ценностях: «...нет никакой природы человека, как нет и Бога, который бы ее задумал. Человек просто существует, и он не только такой, каким себя представляет, но такой, каким он хочет стать» (Сартр, 1989, с. 322–323).

Первый пик популярности Сартра приходится на 40-е; можно предположить, что в это время «интеллектуальная гегемония» (Куликова, 2014, с. 16) Сартра связана с запросом общества на излечение от травмы войны. Очевидно, людям была нужна легальная философия или даже идеология, объявлявшая каждого субъекта проектом самого себя, открытым в будущее. Даже пассивное состояние (традиционное для жертвы) объявлялось выбором, то есть сильной, волевой установкой на отказ выбирать; даже негативное накопление (вины, ошибок) могло быть «снято» дальнейшим «проектированием» и собственно жизнью с нулевой отметки. В послевоенные годы эта философия действительно служила гуманизму и оптимистично возвращала человеку контроль над своей судьбой.

Второй пик популярности случился в 60-е (Куликова, 2014, с. 18; *Fulton*, 1994, с. 113), но объяснить его схожим образом трудно. Все самые важные философские труды написаны («Бытие и ничто» – 1943, «Критика диалектического разума» – 1960). Самый популярный роман («Тошнота») датируется 1938 годом, самый известный сборник новелл («Стена») – 1939-м, пьесы, составившие его славу, – 40-ми. В 1964-м Сартр вообще заявляет о прекращении литературной деятельности. В этом году Нобелевский комитет по литературе пытается вручить ему премию за творчество, «оказавшее огромное влияние на наше время» (Шуринова, 2022, с. 195), то есть фиксирует свершившийся факт. Поводом к присуждению премии послужила автобиографическая работа «Слова», оконченная в этот год, но это был именно повод, поскольку вещь была небольшой по объему и не касалась актуальных политических или остросоциальных тем: «Многие исследователи сартровского наследия находят парадоксальным тот факт, что премию автору принес весьма неоднозначный автобиографический роман «Слова». Например, М. Конта говорит, что «Слова» как рассказ о детстве казался «безобидным» текстом, никак не связанным с политикой, что и побудило Шведскую академию присудить Сартру премию, хотя на самом деле его автобиография политизированности далеко не лишена (Шуринова, 2022, с. 195). А влиятельный отечественный литературовед Л. Г. Андреев писал об этом произведении: «"Слова" – запоздавшее введение в творчество Жан-Поля Сартра. С этой книги можно начинать чтение всего того, что им было создано» (Андреев, 2004, с. 16).

По смыслу это подведение итогов и финальная точка, а не трамплин к новому взлету популярности. Сартр сам уверен, что ему осталось лишь

по инерции «доехать до Дижона»: «Я все вижу ясно, не занимаюсь самообманом, знаю свои задачи... вот уже десять лет, как я – человек, очнувшийся после тяжелого, горького и сладостного безумия: трудно прийти в себя, нельзя без смеха вспоминать свои заблуждения, неизвестно, что делать со своей жизнью» (Сартр, 2022, с. 220). Со стороны философии в этой работе нет новых идей, лишь показан их генезис в связи с судьбой автора: осознаются тревога и предстояние перед смертью, необходимость творить себя и смысл своей жизни, необходимость отражаться в Другом. В целом именно идейно «Слова» достаточно скудны.

Впоследствии Сартр будет заниматься политической и общественной деятельностью, в 1970–1971 годы напишет несколько работ в жанре литературной критики. Мы должны допустить, что либо этой деятельности вкупе с предыдущими заслугами хватило для дальнейшей сверхпопулярности Сартра, либо «Слова» были не просто финалом его писательской деятельности. Возможно, они стали квинтэссенцией какого-то нового опыта предьявления себя, и это сартровское self нашло резонанс у его современников.

Вместе с тем нам хотелось бы избежать ошибки, на которую указывал в 1967 году Ролан Барт: «Объяснение произведения всякий раз ищут в создавшем его человеке, как будто в конечном счете сквозь более или менее прозрачную аллегоричность вымысла нам всякий раз "исповедуется" голос одного и того же лица – автора» (Барт, 1989, с. 385). Связь между структурой личности и текстом, а далее – между текстом и откликом современников будет явно нелинейной.

«Введение» субъекта в какое-либо исследование социального явления (например, феномена популярности) всегда было проблематичным из-за требования научной объективности. Программа В. Дильтея, заявленная в конце XIX века в рамках философии жизни («Налицо имеются величайшей ценности материалы для описания и анализа истории человеческого развития... под тем же влиянием ориентации на естественную историю человека прошлый век и век настоящий создали современную биографию. В известном смысле последняя является наиболее философской формой исторического изображения. Человек, как изначальный факт всякой истории, составляет предмет его» (Дильтей, 1996, с. 68)), осталась на периферии философского знания. Сходная интенция герменевтики, а именно – требование «объективно и субъективно уподобиться автору» (Шлейермахер, 2004, с. 65) с целью наилучшего понимания текста (особенно интимного, вроде писем), ограничивается, при ближайшем рассмотрении, изучением «самобытной манеры». Но эта «манера» складывается из особенностей использования языка, влияния социального статуса автора и контекста эпохи (Шлейермахер, 2004, с. 155). Здесь явно упускается возможность объяснения, почему именно та или другая «самобытная манера» письма оказалась востребована и создала высочайшую репутацию автору.

Нам, с одной стороны, близка позиция Р. Коллинза: «Социальная структура интеллектуального мира... – это продолжающаяся борьба между цепочками личностей, заряженных эмоциональной энергией и обладающих

культурным капиталом, за заполнение малого числа центров внимания» (Коллинз, 2002, с. 61). С другой стороны, рассматривать мыслителя «первого ранга» своей эпохи лишь как элемент аргументативной сети или, скажем, лишь как субъекта, осуществляющего дискурс из подходящей позиции (в фукианском смысле), нам кажется недостаточным. Предположение о том, что именно человек с определенной психической структурой становится выразителем психологического запроса своих современников, кажется достаточно продуктивным для анализа большого спектра культурных явлений.

В год написания «Слов» социолог Мишель Крозье констатирует, что роль европейского интеллектуала не сводится к рупору или измерительному инструменту социальных процессов. Интеллектуал является актором изменений в человеческих отношениях, но необязательно идеологом или лидером социальных перемен, как хотелось бы «левым»: «...В современном обществе роль интеллектуала заключается в том, чтобы исследовать, экспериментировать со своими собственными чувствами и представлениями, а также с представлениями других людей, поскольку из этих представлений возникают новые типы... Классический европейский интеллектуал – это тот, кто предвидит кризис, готовится к нему, боится его или бежит от него, но он всегда определяется по отношению к нему» (Crozier, 1964, p. 516)¹. Это замечание остается истинным вне зависимости от ведущих типов медиа и политической приверженности интеллектуала. 60-е годы – время появления термина и феномена «селебрити», то есть знаменитости, которая привлекает позитивным имиджем и историей успеха. Тем важнее понять, почему обществу в то же время необходимы не внушающие безусловного оптимизма жизненные стратегии и люди, которые играют роль маркеров наступающего кризиса в отношении к себе и другому.

На формальную сторону «Слов» Ж.-П. Сартра достаточно чутко отреагировали филологи. Они отметили жанровую неопределенность произведения. Не зная, как относиться к слиянию автора, рассказчика и протагониста, нелинейности нарратива и сомнению самого Сартра в правдивости текста, они выделили работу в отдельную классификационную ячейку: «"Слова" Ж.-П. Сартра обладают спорным статусом как автобиография. Формально в тексте реализуется связанность повествователя, главного героя и создателя текста: биографический автор пишет

¹ «Changes in institutions and modes of organization reappraisals of the "rules of the game", are possible only if man is capable of conceiving new types of human relations. In modern society it is the intellectual's role to explore, experiment with and make known his own feelings and conceptions, as well as those of others, for out of these conceptions new types emerge. While change was rapid and profound in western society in the nineteenth and early twentieth centuries, human relations continued to be characterized by situations of subordination, distance and stratification, and any change of habit, any new conception of inter personal relations, seemed to threaten the whole social equilibrium. As a result, change generally aroused opposition which often was overcome only at the time of great crisis. The classic European intellectual is one who foresees, prepares, dreads or flees the crisis, but he is always defined in relation to it». – *Здесь и далее см. подробнее в оригинале. Прим. авт.*

о своей жизни. Однако Ж. Лекарм выражает сомнение в том, что "Слова" можно с уверенностью назвать автобиографией <...>. Сартр не показывает здесь целостный генезис личности, история ребенка прерывается, едва начавшись; это произведение, подчиненное определенным художественным задачам, но не автобиография в полном смысле этого слова, скорее ее "особый случай". В отношении "Слов" употребляются термины "антиавтобиография" <...>, "автофикция" <...>» (Шуринова, 2017, с. 118). Обесценивание понимается как типизация: «"Слова" представляют собой текст, который разрушает сам принцип автобиографического письма. Если Руссо в "Исповеди" стремится к тому, чтобы быть понятым как отдельная самоценная личность, то Сартр в "Словах" сам себя обесценивает, представляя индивидуальный опыт как универсальный. В этом смысле, как ни парадоксально, сартровское решение оказалось гораздо ближе онтологии Августина: скорее исповедальной, чем собственно автобиографической в классическом понимании – с той разницей, что Сартр отыскивает в своей судьбе выражение проблем эпохи, а не греховной человеческой природы. Это и дает возможность интерпретировать произведение как исповедально-философский роман с автобиографической основой, автобиографический роман"» (Шуринова, 2017, с. 119).

Другой попыткой объяснить «неканоничность» автобиографии является понимание «Слов» как ретроспективной социальной критики: «"Слова" – плод мысли в большей степени, нежели памяти. Сартр не просто вспоминает – он "полагает", он явно сочиняет, додумывает, создавая образ семьи и образ эпохи, классический для Франции образ буржуазии, гуманистической, республиканской, "в духе Виктора Гюго", в традиции XIX века» (Андреев, 2004, с. 13). «Расхождение в реальном быту «правды и вымысла», торжество показной морали, "комедия добра", разыгрываемая обществом, – вот среда, благоприятная для предпочтения "зеркала" реальному миру» (Андреев, 2004, с. 14). «Художественный эффект автобиографической книги Сартра обеспечивается, повторяем, прежде всего соединением в одном лице, одном образе малого Сартра и Сартра большого. И проистекающей от этого соединения стихией ироничности, самокритичности. Взрослый с иронией оценивает малыша с его неумеренными, не по возрасту взрослыми претензиями – ребенок видит в пожилом человеке свое подобие, впавшую в детство знаменитость» (Андреев, 2004, с. 15).

Оба объяснения кажутся нам малоубедительными. Типизация не характерна для индивидуалистического «профиля» экзистенциализма. Если же «Слова» были попыткой социальной критики, то это была критика общества, которого к 1964 году давно не существовало, и производилась она практически без выхода за рамки семейного круга.

Своеобразным синтезом этих двух позиций выглядит версия, в которой «Слова» предстают самоотчетом о писательском становлении: здесь снова фиксируется столкновение «Сартра большого и Сартра малого», но не с целью насмешки выросшего взрослого над своим «наивным детским эгоцентризмом» (Андреев, 2004, с. 13), а с целью воссоздания эволюции автора-писателя. А. О. Разумова четко фиксирует необычность, если не

ненормальность героя «Слов»: «Персонаж писателя-ребенка является странным гибридным существом, искусственным по преимуществу, немислимым в природе, и он сам это сознает, будучи изначально раздвоенным, овнешненным и отчужденным, так как он растет в окружении своих образов-отражений (детство писателей прошлого, уже интегрированных в культуру)» (Разумова, 2015, с. 147). И в то же время она уверена, что это был определенный этап, успешно преодоленный через целый каскад состояний – десубъективации, нарушения идентичности (Разумова, 2015, с. 147), и в итоге Сартру якобы удалось через чтение и письмо «по-другому перестроить свою структуру, вынося за скобки свои реальные отношения с другими и с самим собой. Речь идет в первую очередь о переконпоновке внутренней структуры я, своего образа, который складывается в модусе *для себя*, а затем – своей внешней структуры (своего образа *для других*)» (Разумова, 2015, с. 148). Исследовательница считает, что этот процесс произошел стихийно, от одного приобщения к миру книги, и привкус «типичности», универсальности истории Сартра в «Словах» связан как раз с магическим действием книги (знания): «Для персонажа открытие книги обозначает конец райского детства с его наивным нарциссизмом (даже если Сартр отрицает этот нарциссизм), не ведающим времени и смерти» (Разумова, 2015, с. 149).

Это объяснение поражает, с одной стороны, своей точностью в наблюдении деталей (исследовательница фиксирует «рассыпание» Я, отчужденность, «вынесение за скобки» обстоятельств жизни героя, отрицаемый нарциссизм), а с другой – почти религиозным обоснованием развития психики ребенка (познание выводит из рая) и игнорированием пафоса «Слов». Сартр пишет со жгучей искренностью: «Я ненавижу свое детство и все, что от него исходит» (Сартр, 2022, с. 142). В то же время ничего не переработано и не пережито окончательно: «В пятьдесят лет я сохранил свои детские черты, пусть и изношенные, стершиеся, поправленные, загнанные вглубь, лишённые права голоса» (Сартр, 2022, с. 221). Поэтому мы исходим из гипотезы, что «Слова» являются честной попыткой интроспекции, которая провалилась из-за особенностей структуры личности Ж.-П. Сартра, а специфического художественного замысла (например, написать автобиографический роман, или фикцию вместо обычной биографии, или рецепт становления писательской идентичности) у него не было.

Похожий, но более содержательный филологический анализ «Слов» мы обнаружили в ряде зарубежных эссе 1996 года. Наиболее интересными нам показались два.

Ф. Гордон видит в «Словах» финальный аккорд литературной карьеры разочарованного идеалиста: «"Слова" (1963) окончательно подрывают представления о языке как о силе перемен, воздействующей на мир»

(Gordon, 2014)². С точки зрения Гордон, предательство языка по отношению сначала к наивному «платонисту» (маленькому Сартру), потом к взрослому Сартру-экзистенциалисту, столкнувшемуся с фундаментальной неподлинностью детства, ведет не только к отказу от написания художественных произведений после 1964 года, но обуславливает жанр «Слов», т. е. пародийность сартровской автобиографии: «...Сартр решил пародировать Руссо, чтобы разрушить целый ряд причинно-следственных структур: концепцию детства, личности и функции автобиографии... Антимодель Руссо... позволяет Сартру сосредоточиться на том, что он считает фиктивной причинно-следственной связью прошлого с настоящим, и отвергнуть детерминизм в целом» (Gordon, 2014)³.

Не оспаривая «равнения на Руссо» со стороны Сартра и замысла критиковать его за сентиментализм и чувство собственной уникальности, заметим, что часть причинно-следственных связей в этой схеме плохо обоснована. Если Ж.-П. Сартр увидел, что язык (в структуралистском духе) самодостаточен и не связан с реальностью, а значит, не может ее изменить, то логичным выглядит прекращение литературной деятельности, но не пародия на Руссо. Если он решает написать ироническую автобиографию, чтобы показать человеческую типичность, а не уникальность, а также критикует руссоистское представление о чистоте и непосредственности детских переживаний, то логична ирония, но не ненависть к своему детству и не признание в своем духовном банкротстве. Замеченное Гордон беспокойство читателя тоже является ценным показателем того, что в «Словах» речь идет о чем-то весьма серьезном: «...сардонический рассказ о безупречном детстве Жан-Поля вызывает больше беспокойства, чем рассказ о юности Руссо, исполненной чувства вины, потому что мы косвенно сталкиваемся с нашей собственной недобросовестностью» (Gordon, 2014)⁴. Сама исследовательница не выдвигает убедительного объяснения этому противоречию, она идет на поводу объяснения самого Сартра и повторяет вслед за ним: «...В детстве он страдал неврозом, от которого вылечился только в 1954–1964 годах» (Gordon, 2014)⁵.

² «But running along side this Marxist critique of bourgeois culture, is the critique of language and of its value to convey experience. It is this aspect that leads Sartre not only to abandon literature but to throw in doubt the value of language to mediate with reality at all. *Les Mots* (1963) finally undermines the assumptions of language as a force for change, for acting on the world, that Sartre developed in *Qu'est-ce que la littérature?* (1947)».

³ «The Rousseau parody is only one strand of parody among many in *Les Mots* but it is central to an understanding of the autobiographical model. It will be argued that Sartre elected to parody Rousseau in order to demolish a whole series of causal structures: the concept of childhood, of personality and of the function of autobiography that we derive from Rousseau. The Rousseauistic anti-model is not merely a convenient way of parodying sentimental attitudes in Sartre's family, the myth of childhood or the worship of nature; it allows Sartre to focus on what he considers to be the bogus integration of the past causally to the present and to reject determinism generally».

⁴ «...the sardonic account of Jean-Paul's blameless infancy makes more disquieting reading than that of Rousseau's guilt-ridden youth because we are implicitly confronted with our own bad faith».

⁵ «The bitter and sardonic tone of *Les Mots* is particularly striking in a genre that from Rousseau to Proust we associate with nostalgia. If as an existentialist Sartre rejects a developmental or deterministic view of himself, why does it matter if the child was inauthentic and why does he attack with such bitterness the Rousseauistic and Romantic myth of childhood? <...> His childhood was a neurosis of which he only cured himself between 1954 and 1964».

Второе – эссе Д. Коллинза, в котором он характеризует Сартра как «центробежного нарцисса»: «Грюнбергер ссылается на яростное стремление к слиянию в отношениях, характерное для центробежного нарцисса. Он стремится... согласовать свою индивидуальную волю с волей других. С момента своего обращения к марксизму Сартр был заинтересован в том, чтобы уравновесить солидарность с индивидуальной свободой, каждая из которых, по его мнению, необходима для реализации другой» (Collins, 2014)⁶. Пока мы замечаем лишь термин «нарциссизм», но также имеем в виду наблюдение современного психоанализа: «Что первично в эволюции патологического нарциссизма – грандиозное состояние Я или уязвленное и пристыженное, – вероятно представляет собой психоаналитический эквивалент загадки о яйце и курице» (Мак-Вильямс, 2021, с. 262).

Придерживаясь фрейдистского понимания структуры психики и ее конфликтов, Коллинз также считает, что Сартр отчасти находится во власти инфантильных фантазий, отразившихся в автобиографии: «... Утверждение Сартра о том, что у него нет Суперэго, наивно и указывает на недостаточную культуру психоанализа... Устранение родительского авторитета, которое, по словам Сартра, он испытал на себе в значительной степени, не приводит к полному отсутствию Суперэго, а скорее фиксирует Суперэго на доэдиповой стадии. На этом этапе развития ребенка родители кажутся ему отстраненными, мстительными и капризными... Такой ребенок четко делит мир на хозяев и рабов и отказывается принимать их во внимание» (Collins, 2014)⁷. Это предположение кажется

⁶ «The child described by Grunberger is imbued with an unusually high degree of self-esteem: 'He reads his narcissistic confirmation in the eyes of his mother, confirmation because of the fact that he is always unique, that he is esteemed because he is intrinsically valuable.' For Sartre, an illusion of being indispensable is crucial to the development of a sense of freedom. The situation described by both him and Grunberger contrasts starkly with the experience of the other sort of narcissist, who undergoes rejection and devaluation at a critical moment in early youth. Grunberger indicates that because of the positive narcissist's high regard for himself, he easily lapses into the role of the hero and has an illusion of being magically all-powerful... The positive Narcissus, however, does not draw boundaries between himself and others but rather seeks to break through them. He refuses to accept the fact that the distinctions between himself and others are insurmountable. Grunberger refers to the furious quest for fusion relations characteristic of the centrifugal Narcissus. He seeks, without imposing upon the freedom of others or losing his own freedom, to accord his individual will with that of others. Since his conversion to Marxism, Sartre has been interested in balancing solidarity with individual freedom, each of which he feels to be necessary to the realization of the other».

⁷ «Sartre's insistence that he is without a superego is naive and points to an insufficient psychoanalytic culture. But the partial truth behind this personal myth helps one to understand possible connections between Sartre's own experience and some of the major features of the biographies. The elimination of parental authority that Sartre says he experienced to a considerable degree does not result in the total absence of a superego but rather fixes the superego at a pre-oedipal stage. At this point in a child's development, the parents appear as remote, vindictive, and capricious. This impression is allowed to be perpetuated later in life if the child is without exposure to a loving figure of authority which would permit a softening of the demonic vision. The child seeks to extinguish the absent father rather than to identify with him and take his place, for no authority is felt to be legitimate. Such a child divides the world starkly into masters and slaves and refuses to entertain the possibility of a benevolent father figure or institution. The world for this individual, writes Alexander Mitscherlich, 'is continually changing in shape and producing sinister surprises'».

продуктивным для целей нашей работы, хотя мы занимаем позицию, согласно которой возможные искажения и фантазии относительно своего детства необходимо интерпретировать как ценный психологический материал, а не просто маркировать как заблуждения. Полезным для нашего исследования оказалось рассмотрение «Слов» как религиозной автобиографии в статье С. Шарм. При этом ценным здесь является не только анализ стилистики и структуры текста, соответствующего, по мнению этого автора, мифологическому нарративу, а приведенные в статье отклики в СМИ, последовавшие непосредственно после смерти философа. С. Шарм собирает эти отклики по горячим следам, в год смерти Сартра: «Невольный гуру эпохи», «...Он был тем редким человеком, который, казалось, чувствовал что-то центральное в эпохе, в которой он жил...», «...большинство из нас пользуется его языком и чувствует его мысли каждый день своей жизни. Нравится нам это или нет, но мы – три поколения этого столетия – все являемся детьми Жан-Поля Сартра...» (*Charme*, 1982, p. 562)⁸. Религиозность описания подразумевает избранничество, о котором Сартр с различным (чаще самоуничижительным) пафосом неоднократно упоминает в «Словах» (напр., Сартр, 2022, с. 15–17, 65, 77, 86). Однако необходимо иметь в виду, что это избранничество чувствовали окружающие его люди. Приведенные цитаты – свидетельства того, что если сам философ ощущал себя героем самозванным, то в глазах современников его личные переживания терялись. Он был важен и востребован, по-видимому, без разделения на частного Сартра и публичного Сартра, а также на человека и текст (отсюда характеристики «гуру» и «пророк»).

В статье Джона Ф. Уитмайра младшего «The Double Writing of Les Mots» мы почерпнули идею об определенном понимании личной эволюции философа, а именно констатацию снижения веры в свободу субъекта в «Словах»: «...Радикальная онтологическая свобода ранних работ была ограничена...» (*Whitmire*, 2006, p. 63)⁹. Автор отмечает «богатую двусмысленность» «Слов»: «...Сохраняется непростая напряженность между свободным решением Сартра стать писателем (ранние работы) и почти детерминированной силой обстоятельств, которые сформировали этот

⁸ «Inadvertent Guru to an Age (Time, 4/28/80); To some, he embodied all the anarchic emptiness and despair of the modern spirit. To others he was the last great apostle of freedom. He was the rare individual who seemed to sense something central about the age in which he lived (Chicago Tribune, 4/16/80); Some of us may not even know his name or have read any of his works. But most of us use his language, and feel his thoughts, every day of our lives. Whether we like it or not, we – the three generations of this century – are all the children of Jean-Paul Sartre, more than any other writer of our century, best reaches the inner depths of the young. He not only speaks to them directly, he lives inside them Sartre is not just the century's greatest moralist. He is also its greatest prophet (Philadelphia Inquirer, 4/20/80)».

⁹ «I will show that we find in this text an important, concrete exposition – and, I will argue, also a performance – of what I will call Sartre's "middle" anthropological position – one in which the radical ontological freedom of the earlier works has been circumscribed, but one that has not yet reduced freedom to the drastically diminished status it seems to possess in the Flaubert biography».

выбор (более поздние тексты)» (*Whitmire*, 2006, p. 63)¹⁰. Рассматривая «Слова» как двуслойный палимпсест, автор считает, что, «переосмысливая свою собственную жизнь, он буквально втягивает этот ранний рассказ в свою более позднюю историю, таким образом, возвращая себя к истокам своего персонажа: "Я все еще пишу. Что еще я могу сделать?" – и в то же время придавая этому персонажу новое, измененное значение» (*Whitmire*, 2006, p. 74)¹¹. В то же время, снижение статуса онтологической свободы не связано у Сартра с работой бессознательного. Спор Сартра с Фрейдом относительно механизма репрессии настолько значителен, что становится основанием долгой философской дискуссии (*Plessis*, 2022). То есть Сартр к 1964 году видит обусловленность субъекта своей биографией, но по-прежнему считает, что он (субъект) дает свободное согласие на то, чтобы следовать этой обусловленности – в духе древнего стоицизма. С психоаналитической точки зрения мы сталкиваемся здесь с сопротивлением: Сартр готов допустить причинно-следственную связь между детством и выбором жизненного пути у другого (в данном случае – у другого писателя, Флобера), но не готов признать эту закономерность в собственной истории, назначая шести-девятилетнего ребенка, каким он был на момент принятия решения стать писателем, полностью ответственным за свой жизненный выбор. Значит, этот миф жизненно важен для его психики.

Для уточнения метода исследования оказалась полезной статья К. Бартосяк, рассматривавшей автобиографию Сартра как самотерапию. Исследовательница отмечает, что «сартровский подход к теории австрийского ученого можно охарактеризовать как избирательный и не всегда хорошо обоснованный» (*Bartosiak*, 2017, p. 182)¹², что весьма важно, поскольку Сартр в тексте четыре раза применяет к себе (на наш взгляд, некорректно) психоаналитические диагнозы. При этом мы согласны, что Сартр верит в схожесть фрейдовского и собственного анализа: «... Кушеткой психоаналитика становится собственный стол "врача" – биографа, а его "пациент" – это персонаж...» (*Bartosiak*, 2017, p. 190)¹³. С несколько другим оттенком об этом пишет А. В. Гасилин, рассматривая литературную стратегию Сартра в целом как самодостаточный и садистический по отношению к читателю процесс: «В третьем томе "Идиота в семье" Сартр предлагает на суд читателя оригинальную концепцию

¹⁰ «... in its preservation of an uneasy tension between Sartre's free decision to become a writer (the early works) and the almost deterministic force of circumstances which have shaped that choice (the later texts)».

¹¹ «Re-totalizing his own life, he literally draws that earlier narrative into his later story, in a way that returns him to the roots of his character – "I still write. What else can I do?" – while at the same time offering a new, altered meaning for that character».

¹² «... Sartre'a podejście do teorii austriackiego uczonego określić można jako wybiórcze i nie zawsze dobrze uzasadnione».

¹³ «Sartre stawia więc psychoanalizę w zupełnie odmiennej niż tradycyjna perspektywie – kozetką psychoanalitika staje się tu własne biurko "lekarza" – biografa, a jego "pacjent" to postać, której nie musi on nawet znać, czy wręcz taka, która już od dawna nie żyje...: biograf spełnia swą rolę, odkrywając – za pośrednictwem dostępnych mu materiałów i różnych świadectw dotyczących życia biografowanego – jego fundamentalny wybór».

невротической литературы – особой культурной традиции, в которой страсть к письму является одним из проявлений авторского невроза. Для представителя этой традиции письмо выступает разновидностью психотерапии, позволяющей экстерииоризировать собственный травматический опыт, переосмысливая его в художественных образах» (Гасилин, 2017, с. 65).

Как и предыдущий автор, болезненную травматизацию читателя видит в «Словах» С. Гамильтон: «Автобиография Сартра – это террористический акт против... послушания и... желания угодить, жест разрушения, ключевой эмоцией которого является не ненависть, как утверждает сам Сартр, а презрение: презрение к тому, кем он был, презрение к своему деду, презрение к буржуазному миру... Это язык войны, и Коэн-Соалл прав: текст Сартра специально создан для того, чтобы ошеломить читателя, дезориентировать его и в конце концов лишить возможности увидеть все в целом, понять, что происходит и почему» (Hamilton, 2021, p. 76)¹⁴. Но несмотря на стремление шокировать и дезориентировать, а также «дикую самокритику» и «теракты» против себя, философия Сартра также является, по Гамильтон, своеобразной копинг-стратегией, то есть исследовательница частично солидарна с Бартосяк: «...Мы рассматриваем это скорее как нечто, с чем нужно жить, переживать, читать, как нечто, над чем мы можем задержаться, стремясь приветствовать это... как видение жизни, способ избавиться от ее запутанности» (Hamilton, 2021, p. 91)¹⁵.

Мы будем использовать эти идеи, обращаясь (как сам Сартр) к тексту умершего человека для его анализа и предполагая, что в «Словах» решается действительно прежде всего терапевтическая, а не художественная задача.

В обзоре литературы использовались базы данных eLIBRARY.RU, JSTOR, Springer, поисковые запросы делались по ключевым словам «Sartre, psychoanalysis», «Sartre, “Words”», «Sartre, autobiography».

Мы хотим попытаться найти объяснительную модель, учитывающую все замеченные ранее исследователями особенности «Слов». Для этого необходимо сосредоточиться на неявном, задаться вопросом, выполняет

¹⁴ «Sartre's autobiography is an act of terrorism against this obedience and this desire to please, a gesture of destruction whose key emotion is not, as Sartre himself claims, hatred, but contempt: contempt for what he was, contempt for his grandfather, contempt for the bourgeois world whose particular inflection was, in any case, pretty much completely lost by the time Sartre was writing about it: the mindless violence of the Second World War and, in particular, the specific suffering and humiliation that France and her people endured during that war, had seen to that. It is as if Sartre's urge for destruction led him to repeat that destruction on his own fragment of the world in question – a case of precision bombing. But it is precision bombing with collateral damage, and Sartre meant it that way. As Annie Cohen-Solal has remarked (Cohen-Solal 1991[1985], 28), 'It [Words] is a powerful, seductive book that seizes the reader with contrasting strategies, excites him, ravishes him, and then, finally, abandons him, traumatized, defenseless, in a state of shock.' This is the language of war and Cohen-Solal is right: Sartre's text is expressly designed to defeat the reader, to leave him disorientated and unable, in the end, to get the whole in perspective, work out quite what is going on and why...».

¹⁵ «... We see it rather as something to be lived with, lived through, read *by*, as something over which we may linger, seeking to welcome it in our lives as a vision of life, a way of casting its confusing».

ли творчество Ж.-П. Сартра, помимо любого его рационального замысла, какую-то важную психологическую функцию для его читателей-современников. Мы попробуем доказать наличие корреляции между структурой личности Ж.-П. Сартра (через ее репрезентацию в автобиографической работе «Слова») и групповой динамикой западного общества 60-х годов XX века. Мы предполагаем, что именно такая корреляция в значительной степени повлияла на взлет популярности Сартра, невзирая на снижение его литературной активности и сравнительную ординарность деятельности общественной.

К «Словам» нужно подходить психоаналитически: понять ролевые характеристики членов семьи Сартра и самого маленького Жан-Поля, выявить ведущую динамику переживаний и защит, сделать генетическую реконструкцию, диагностировать проблематику и структуру его личности (что должно помочь объяснить противоречивость нарратива) и, наконец, соотнести микро- и макроуровни (текст и групповой запрос эпохи).

Исследуя автобиографию Сартра методами психоанализа, мы опираемся на богатую традицию. В работе столетней давности «Невроз дьявола в семнадцатом веке (1923)» З. Фрейд без всяких колебаний изучает дневник и картины «одержимого дьяволом» художника Христофа Хайтцмана, как если бы аналитик непосредственно мог положить его на кушетку в своем кабинете и диагностировать на основании первичного интервью и генерируемого потока свободных ассоциаций. Фрейд не доказывает релевантность своего метода задаче. Он отвергает демонологические теории болезни, в данном случае – депрессии, которую еще нужно было «вычитать» из документа, и постулирует, что следствием ее был невроз («Одержимости соответствуют нашим неврозам» (Фрейд, 2006, с. 287)), а природу неврозов объясняет, в свою очередь, конфликтом между желанием и запретом. Фрейд занимается достаточно затейливой герменевтикой расписок, которые (согласно невротической фантазии художника) были даны дьяволу (Фрейд, 2006, с. 296), выборочно анализирует графический материал (два из девяти рисунков, сделанных художником (Фрейд, 2006, с. 304–305)) и вдобавок выдвигает гипотезы, которые устранили бы противоречия в протоколах священнослужителей, занимавшихся этим случаем. Начиная с 20-х годов XX столетия Фрейд представляет научному сообществу законченную концепцию структуры личности, поэтому он смело пользуется дедуктивным подходом, рассматривая данную историю как частный случай конфликта Суперэго (представленного демонизированной фигурой отца) и Эго художника, который недавно осиротел. Иными словами, он связывает нарратив с фактами биографии таким образом, чтобы предшествовавшие факты объясняли возникновение невроза, а последующие – действия священнослужителей и художника, которые можно истолковать как защитные, поэтому порой нелогичные даже с точки зрения практики экзорцизма.

Мы будем вести исследование в той же логике, но, во-первых, очертив пространство исследования совершенно иным образом: ограничив его явлениями, которые могут быть восприняты путем интроспекции и

эмпатии, то есть пережиты как личный опыт, а во-вторых, оснащенные значительно более разнообразным набором инструментов – добавив к модели интрапсихического конфликта модель дефицита и модель травмы.

Интерсубъективный психоанализ (на который мы будем полагаться) является развитием селф-психологии, в свою очередь являющейся развитием теории объектных отношений в версии британской независимой группы. Доводя идеи предшественников до логического завершения, он отказывается оперировать метапсихологическими метафорами и моделями – энергетическими, гидравлическими, пространственными и прочими, включая концепцию влечений, – поскольку полагает реальность субъективного эмоционального переживания единственной реальностью, с которой аналитик имеет дело. Таким образом, в отличие от Фрейда, мы будем рассматривать и интерпретировать текст «Слов» не как проявления предполагаемых безличных механизмов и энергий, а как сообщения человеческого Я о том, как оно воспринимает и проживает само себя. А также будем делать это целиком, не выборочно – не соблазняясь видеть в нем, как это делают философы, филологи и просто исследователи творчества Сартра, перво- и второстепенные темы, палимпсест (политическую биографию, потом переписанную как личную биографию) или особый художественный прием. Все, что написано в «Словах», имело для психики автора глубоко личностный смысл – наша задача понять, какой именно.

Еще один ключевой элемент теории интерсубъективного психоанализа – видение психической деятельности как организованной вокруг переживания Я, формируемого из потока аффектов, а в качестве ее предельного мотива, к которому так или иначе сводятся остальные, – мотива сохранения и развития этого переживания. Как было сформулировано Робертом и Дафной Столороу, «потребность в Я-объектной связи – это, по сути, потребность получать отклик, созвучный нашим аффективным состояниям, в течение всей жизни... мы рассматриваем Я как *организацию опыта*, что в особенности относится к структурированию переживания человеком самого себя... Отсутствие непрерывной, созвучной откликаемости на аффективные состояния ребенка приводит к кратковременным, но значительным крушениям в области оптимальной интеграции аффектов, побуждая к диссоциации или отрицанию аффективных реакций, поскольку они угрожают достигнутой к этому моменту, еще непрочной структурализации. Иными словами, ребенок становится уязвимым для *фрагментации Я*, поскольку его аффективные состояния не получили необходимого отклика от заботящегося окружения и поэтому не были интегрированы в организацию его переживания себя. В таком случае для сохранения целостности хрупкой структуры Я становятся необходимы защиты от аффектов» (Столороу, 1999, с. 99–100). Селф-объектные (Я-объектные) функции включают: «(1) дифференциацию аффектов, связанную с формированием границ Я; (2) синтез аффективно противоречивых переживаний; (3) развитие толерантности к аффектам и способности использовать аффекты как сигналы для Я; и (4) десоматизацию и когнитивную артикуляцию аффективных состояний» (Столороу, 1999, с. 103).

Таким образом, мы будем рассматривать биографию субъекта как череду удач и провалов в деле «собираения», укрепления и продолжения Я, причем это касается не только детства, но всей жизни: ранние дефициты обычно остаются не восполнены до самой смерти, а примитивные защиты, сохраняющие от фрагментации Я (при этом препятствующие восполнению дефицитов), став основой личности, в лучшем случае лишь дополняются защитами зрелыми (например, рационализируются).

То же самое касается динамики групповой: если психическая проблематика большой группы людей («поколения», «класса», «нации») по какой-то исторической причине схожа, а адаптирующие к ней групповые фантазии (выполняющие селф-объектные функции более примитивными средствами) ослаблены и более не справляются, то члены этой группы будут нуждаться в помощи. Их проблемные состояния должны быть названы, включены в общую систему переживания Я, контейнированы (в идеале – компенсированы), когнитивизированы и десоматизированы, чтобы из угрозы для психики превратиться в ее строительный материал (Романчук, 2022, с. 29). Для этого участники группы интенсивно обмениваются фантазийным материалом, совместно (и по большей части бессознательно) формируя видение мира, которое выразит и объяснит сменяющее их беспокойство более удовлетворительным образом, – и применяют на эту роль различные идеи, каким-либо образом попавшие в поле зрения.

Наконец, мы, как и Фрейд, надеемся проверить наши выводы, соотнеся найденные черты структуры личности Сартра с независимым описанием этого человека в течение последних десяти лет его жизни. Чтобы быть уверенными в диагностике, мы должны доказать, что человек обладал «длительно существующими автоматическими и независимыми от ситуации паттернами субъективных свойств и поведения» (Мак-Вильямс, 2021, с. 270–271). В нашем распоряжении есть книга Симоны де Бовуар «Adieux: A Farewell to Sartre» (*De Beauvoir*, 1984), которая может помочь в этом пункте.

Семья «клиента»

Группируя воспоминания Жан-Поля о семье, мы можем заметить хронологическую диффузность, из-за которой часто трудно дать оценку тем или иным эпизодам. Автор нередко рассказывает о деталях, свидетелем которых не мог быть, об умозаключениях, явно не соответствующих возрасту, делает выводы, данные для которых мог получить только из чьих-то рук. О контексте утверждений возникает множество вопросов: что из этого он наблюдал и переживал сам, а что ему рассказали (а также кто и когда – отсюда оценка вероятности и направленности искажений), какие из идей по поводу описываемого были им заимствованы, а к каким он пришел сам, к каким – тогда же, в описываемый период, а к каким – уже после. Кроме того, некоторые утверждения с точки зрения психоанализа выглядят очень характерно, как защитные идеализирующие фантазии,

и это, с одной стороны, затрудняет их использование в реконструкции, с другой – дает возможность что-то предположить о травматическом материале, от которого они призваны были защититься.

В то же время многие утверждения явно отражают подлинные события, однако при этом автор не понимает их эмоциональных смыслов, либо в силу неразвитости такой способности, либо отстраняя смыслы в порядке психической защиты, либо считая события типичными и не умея распознать их аномальный характер.

Центром, вокруг которого организована родительская семья Сартра, предстает дед, Шарль (Карл) Швейцер, или пара дедушка – бабушка (Луиза), а не мать (Анн-Мари) и отец (Жан-Батист). Сартр часто фиксирует, без попыток осмыслить и дать оценку, авторитарный, насильственный и деструктивный характер действий деда: «Похитив невесту в разгар обеда, **жених втолкнул ее в поезд...**» (Сартр, 2022, с. 4) (*Здесь и далее выделено мной. – авт.*); «...Но как только **он начинал кричать**, она сдавала все позиции. Он **нахрапом сделал ей четырех детей...**» (Сартр, 2022, с. 6); «Луиза жила в полумраке; Шарль входил в ее комнату, **распахивал ставни, зажигал все лампы разом**, она стенала, прикрывая рукой глаза: "Шарль, я ослепну!"... Шарль пугал Луизу, вызывал **нестерпимое раздражение**, временами, наоборот, даже приязнь, она хотела одного – чтобы он ее не трогал» (Сартр, 2022, с. 6); «Посади меня мать и бабушка на хлеб и воду, дед таскал бы мне сласти, но **запуганным женщинам** это и в голову не приходило» (Сартр, 2022, с. 19). Дед изменял жене, и все об этом знали: «С тех пор как его жена хворала, он **искал утешения** у дюжин идеалисток, усатых и цветущих – кровь с молоком» (Сартр, 2022, с. 8). Своих детей он также подвергал разрушающему насилию: «Не прошло и года, как молодая вдова вновь оказалась на правах несовершеннолетней – девицы с пятном на репутации. Никто **не лишал ее карманных денег** – ей просто забывали их дать; она **донашивала платье чуть ли не до дыр**, а деду не приходило в голову купить ей **новое**. Даже в гости ее **неохотно отпускали одну**. Когда подружки, большей частью замужние дамы, приглашали ее, им приходилось загодя спрашивать соизволения деда, обещая при этом, что его дочь доставят домой не позже десяти. Посреди ужина вызывали экипаж, хозяин дома вставал из-за стола, чтобы проводить Анн-Мари. А тем временем дед в ночной рубашке мерил шагами спальню, не выпуская из рук часов. **На десятом ударе разражалась гроза**. Приглашения поступали все реже, да и мать потеряла охоту к развлечениям, которые доставались такой дорогой ценой» (Сартр, 2022, с. 11–12). «...Я подозреваю, что он **виновен в смерти Эмиля** – косвенно, конечно. Этот гневный библейский Бог алкал крови своих сыновей» (Сартр, 2022, с. 15). Самого Жан-Поля дед использует в качестве одного из орудий реализации этих детоубийственных желаний: «Помимо всего прочего, деду **очень нравилось злить своих сыновей**. Всю жизнь они находились под пятой грозного отца; они входят к нему на цыпочках и застают его на коленях перед мальчишкой – как тут не ползть на стенку!...» (Сартр, 2022, с. 22).

Шарль не брезгует шантажировать семью публичным скандалом: «В поезде, если немец-контролер просит нас предъявить билеты, в кафе, если официант не торопится нас обслужить, Шарль Швейцер багровеет от прилива патриотического гнева. Обе женщины хватают его за руки: "Шарль! Образумься! Неужто ты хочешь, чтобы нас выслали?"»; «...в Гунсбахе Шарль при каждом удобном случае накидывается на свою невестку: за неделю он несколько раз швыряет на стол салфетку и, хлопнув дверью, выходит из столовой, а невестка вовсе не немка. После обеда мы с мольбами и рыданиями припадаем к стопам Шарля – дед внемлет с каменным лицом» (Сартр, 2022, с. 28).

Нарушение границ для него естественно: «По воскресеньям от нечего делать он заходил в комнату жены и, не зная, что сказать, останавливался возле ее кресла. Все взгляды устремлялись к нему, а он, побарабанив пальцем по стеклу и так ничего и не придумав, поворачивался к Луизе и отнимал у нее книгу, которую она читала... Дело кончалось тем, что дед швырял роман на стол и удалялся, пожав плечами» (Сартр, 2022, с. 34). Впрочем, бабушка платит ему тем же: например, она регулярно обкрадывает мужа на глазах у дочери, абсолютно уверенная в ее лояльности (Сартр, 2022, с. 29).

И хотя Сартр нигде не пишет прямо об атмосфере страха, о ней свидетельствуют описываемые реакции домашних: «В ту минуту, когда я собирался поразить врага, в замке поворачивался ключ, руки матери, словно парализованные, застывали на клавишах, я клал линейку в шкаф и повисал на шее деда» (Сартр, 2022, с. 118).

Заметим также, что деда все обслуживают, что связано отнюдь не с возрастом, а с установленной иерархией (на это намекает выбор слов – мать и бабушка названы «служанками»): «...дед, в повседневном обиходе до того неумелый, что моей матери самой приходилось застегивать ему перчатки...» (Сартр, 2022, с. 32); «...когда за столом, принимая услуги своих женщин, безмолвно указывал пальцем на солонку или хлебницу, его полновластие меня покоряло. В особенности этот палец: дед не благоволил даже выпрямить его, полусогнутый палец описывал в воздухе неопределенную кривую, так что двум его служанкам приходилось угадывать смысл приказания; иногда бабушка, выведенная из себя, ошибалась и протягивала компотницу вместо графина...» (Сартр, 2022, с. 136). Подобный стиль общения, нацеленный на то, чтобы поставить визави в неловкое положение, современный психоанализ считает перверсивным (Хорни, Сталь, 2017).

Сартр описывает использование дедом себя в запоздалом квазиотцовстве – разыгрывании родительской роли, которую тот не исполнил с собственными детьми. Внук-сын при этом эксплуатируется как собственное расширение во времени, как фантазия «бессмертия» (здесь, похоже, одна из причин сложных отношений Сартра со смертью) и, пожалуй, главное – как театральный реквизит в разыгрывании роли, фальшивого образа себя: благородного, мудрого, любящего и великодушного. «...Я появился на свет к концу его долгой жизни. Борода его стала седой, пожелтела от табака, роль отца ему приелась. Впрочем, будь я его сыном,

он, пожалуй, не удержался бы и поработил меня – просто по привычке... Дед вошел в роль Бога-любви, наделенного бородой Бога-отца и сердцем Бога-сына. Он возлагал руки мне на голову, я чувствовал теменем тепло его ладоней, дребезжащим от умиления голосом он называл меня своим дитяtkой, и его холодные глаза увлажнялись слезами. Знакомые негодовали: "Этот щенок свел его с ума!" Дед меня обожал – это видели все. Любил ли он меня? В страсти, столь рассчитанной на публику, трудно отличить, где искренность и где притворство. Мне что-то не помнится, чтобы дед проявлял особенно пылкие чувства к другим своим внукам. Правда, он их редко видел, и они в нем не нуждались, а я целиком зависел от него – он обожал во мне собственное великодушие» (Сартр, 2022, с. 16). «Мы вообще разыгрывали нескончаемое представление из сотни разнообразных скетчей: тут были и флирт, и минутные размолвки, и добродушные поддразнивания, и ласковая воркотня, и любовная досада, и нежное шушуканье, и страсть» (Сартр, 2022, с. 18).

Дед «созерцает» внука как пейзаж за пивом в минуты отдыха (Сартр, 2022, с. 22), извращенно трактуя его проявления (вмысливая в них сообщения самому себе, «подтверждающие» компенсаторные фантазии по поводу старости и смерти) (Сартр, 2022, с. 22); «объявляет», что у Жан-Поля хороший слух, как у всех Швейцеров, когда внуку неделя от роду (Сартр, 2022, с. 48); инициирует переписку внука с его любимым писателем, в которой «направляет мое перо», используя Жан-Поля как свой аватар – этим отбирая у него объект идеализации, а затем уничтожая объект, подстроив внуку разочарование в нем (Сартр, 2022, с. 57). Можно сказать, что в целом внук воспринимается дедом как атрибут собственной личности, используемый для поддержания величия. Самого же по себе, реального, как есть, его не видят. Его не хотят выпускать из удушающего семейного круга: забирают из лица, «навсегда поссорившись с директором», когда из-за орфографических ошибок во вступительной работе Жан-Поля рекомендуют отдать в подготовительный класс (Сартр, 2022, с. 66); очень долго оставляют несоциализированным – «...мне было десять лет и три месяца, дольше нельзя было **держаться под домашним арестом**. Шарль Швейцер смирил свои обиды и записал меня в подготовительный класс лицея Генриха IV в качестве экстерна» (Сартр, 2022, с. 191). Дед акцентирует свою озабоченность судьбой внука, обосновывая ею свои разрушительные вмешательства, но она совершенно фальшива: своими прямыми обязанностями в ключевом для этой судьбы вопросе он пренебрегает годами.

Реконструируемая личность деда, как нам видится, хорошо соответствует типу личности (или способу характерологической адаптации), известному как нарциссический – в его «классическом» варианте: личности, организованной вокруг проблемы ценности Я, и решающей ее путем создания Я фальшивого, грандиозного.

Этим объясняется как специфический рисунок коммуникации Карла с внуком, так и ее многократно отмеченный угнетающий эффект: «Родитель, испытавший в детстве нарциссическую травму, будет искать у своего ребенка нарциссическое понимание и отражение, которого сам не получил.

В итоге ребенок не может использовать его в разрешении своих огромных проблем периода нового сближения; он скорее сам использует ребенка для отражения, в котором постоянно нуждается» (Джонсон, 2001, с. 84); «...нарциссичные люди посылают двойные послания своим друзьям и семьям: их потребность в других глубока, но любовь к ним поверхностна... Дезориентирующее послание, что человек высоко ценен, но лишь в конкретной роли, которую он играет, заставляет детей переживать, что, если их реальные чувства, особенно враждебные или эгоистичные, будут заметны, последует отвержение или унижение» (Мак-Вильямс, 2021, с. 258–259).

Нарциссизм Карла также ярко проявляется в его внесемейных коммуникациях. Например, он часто занимается «нарциссическими кражами», то есть в той или иной форме присваивает чужие достижения, а когда это невозможно, обесценивает их: «Он защитил диссертацию о Гансе Саксе, сделался приверженцем "прямого метода", **объявив себя впоследствии его основоположником...**» (Сартр, 2022, с. 4); «Меж тем деду пришлось рассказать мне и о писателях... По словам Шарля Швейцера, он им поклонялся. Но, уж если говорить начистоту, **они его несколько стесняли**: их бестактное присутствие мешало ему отнести творенья человеческие непосредственно на счет Святого Духа» (Сартр, 2022, с. 51). Мы понимаем, что Шарля заботил не Святой Дух: он относил чужое творчество на свой собственный счет, или прямо (я цитирую это – значит, оно мое), или через слияние с безличным идеальным объектом, на счет которого это творение отнесено. «...В глубине души Шарль предпочитал безымянных авторов... Он неплохо относился к... А также еще кое к кому из авторов, чье существование не было неопровержимо доказано. Но тех, кто не захотел или не смог стереть следы своего земного бытия, дед прощал лишь в том случае, если они уже сошли в могилу. Зато всех своих современников он осуждал огулом...» (Сартр, 2022, с. 51). В таком отношении видна нарциссическая зависть: все ценное должно быть моим или не существовать вовсе.

Также он предается характерному для нарцисса физическому самолюбанию, постоянно принимая театральные позы, как в быту, так и позируя для фото: «На его счастье и беду, он был фотогеничен; наш дом был наводнен его изображениями» (Сартр, 2022, с. 17). Утверждает свое превосходство во всем, даже в страданиях: «Впрочем, как бы они [нищие] ни бедствовали, им не изведать тех страданий, что выпали на долю моего деда: ребенком он вставал до рассвета и одевался в потемках, зимою, чтобы умыться, приходилось разбивать лед в кувшине с водой» (Сартр, 2022, с. 26).

Поскольку человек с нарциссической организацией личности не контактирует со своими реальными чувствами, продемонстрировать он может только искусственный энтузиазм, искусственное воодушевление, идеализацию, любовь и прочее, за которыми фоном присутствуют эмоциональная невовлеченность, внутренняя пустота и озлобленность. Это сбивает с толку окружающих и заставляет объяснять его поведение иррелевантно, что и демонстрирует выросший внук – он вспоминает, что

чувствовал неискренность деда, но не располагает моделью для объяснения: «Его вспыльчивость и величавость, его гордость и вкус к возвышенному маскировали робость ума, которую он унаследовал от своей религии, от своего века и своей среды – университета. Вот почему ему втайне претили канонизированные идолаы его библиотеки, проходимцы и мошеники, книги которых он в глубине души считал непристойностью. Меня это обмануло: сдержанность, проскальзывавшую в его наигранном энтузиазме, я принял за суровость судьи; духовный сан деда ставил его над писателями» (Сартр, 2022, с. 52).

Рассматривая характеристики бабушки (Луизы) по аналогии с рассказом о Карле, мы видим похожую психическую конфигурацию, но если дед мог позволить себе проявлять агрессию и грандиозность активно, то бабушка была вынуждена действовать более тонко: «Луиза не преминула раздобыть по знакомству медицинское свидетельство, которое избавляло ее от исполнения супружеских обязанностей... Она жаловалась на головные боли, чуть что укладывалась в постель, возненавидела шум, страсти, восторженность – все грубое бытие Швейцеров, земное и театральное» (Сартр, 2022, с. 5). Это похоже как на противостояние подавляющему окружению, так и на генеральную ненависть к жизни. «Маленькая, пухленькая, циничная и игривая, она ударила в безоговорочное отрицание. Пожатием плеч, иронической улыбкой ради собственной утехи – не для окружающих – она сводила на нет все напыщенные тирады. Ее снесли гордыня всеотрицания и эгоизм неприятия. Она ни с кем не поддерживала отношений – слишком самолюбивая, чтобы домогаться первого места, слишком тщеславная, чтобы довольствоваться вторым. "Умейте поставить себя так, чтобы вас искали", – твердила она. Ее искали усердно, потом все меньше и меньше и, наконец, не видя ее, забыли. Теперь она не покидала своего кресла и кровати» (Сартр, 2022, с. 5). Невозможность открытого проживания величия и панический страх столкновения с реальным Я (то есть с переживанием ничтожности) привели к защитному отказу от проявления и предъявления себя, который, в свою очередь, генерировал аффекты фрустрационного и протестного регистра: отчаяние, ненависть, жажду мести и т. д., которые проявлялись пассивно, окольно и исподволь – в основном через негативизм и обесценивание. Эти агрессивные проявления давали также некоторое ощущение превосходства, т. е. питали фрустрированное грандиозное Я.

В борьбе против Карла «оба сына взяли сторону матери». Младший «обожал мать и до конца дней имел привычку без всякого предупреждения наносить ей украдкой визиты: осыпал ее поцелуями и ласками, затем начинал разговор об отце, сперва иронически, потом с яростью, а на прощанье хлопал дверью» (Сартр, 2022, с. 7). Сын выступает нарциссическим расширением матери и, в частности, ее орудием в ненависти к мужу. Эта роль, не предусматривающая его реализации в собственной жизни, а также нахождение меж двух огней, в итоге приводит к тому, что младший сын умирает, «свихнувшись от одиночества» (Сартр, 2022, с. 7). Несладко приходится и дочери: «Анн-Мари, младшая дочь, все свое детство просидела на стуле. Ее научили скучать, держаться прямо и шить. У

Анн-Мари были способности – из приличия их оставили втуне; она была хороша собой – от нее постарались это скрыть. Скромные и гордые буржуа Швейцеры считали, что красота им не по карману и не к лицу. Они уступали ее графиням и шлюхам. Луизу снедала бесплоднейшая спесь: из боязни попасть впросак она не признавала ни за детьми, ни за мужем, ни за собой самых очевидных достоинств» (Сартр, 2022, с. 7–8). Здесь со стороны Луизы можно увидеть а) нарциссическую перестраховку, б) отыгрывание (в порядке травматического повтора) ранее случившихся фрустраций, в) грандиозность, доведенную до предела, – отказ принимать любой выигрыш, что меньше абсолюта, г) проецирование на детей, то есть отдачу им, своего «ничтожного Я». «Перфекционистские решения нарциссических дилемм глубоко самоповреждающи: человек создает утрированные идеалы для компенсации дефектов Я, которые кажутся настолько презренными, что ничто, кроме совершенства, не может их компенсировать, и все же, поскольку никто не совершенен, эта стратегия обречена, и обесцененное Я снова появляется» (Мак-Вильямс, 2021, с. 257).

Луиза также подвергает дочь бытовой эксплуатации – и на нее же злится, так как ощущает, что, выполняя сваленные на нее дела, дочь уменьшает этим величие матери: «Анн-Мари не щадила своих сил. Она взвалила на свои плечи хозяйство – сначала в Медоне, потом в Париже, была одновременно гувернанткой, сиделкой, домоправительницей, компаньонкой и служанкой, но ей так и не удалось смягчить затаенную досаду матери... она [мать] не прочь была избавиться от обязанностей, но не желала терять прерогативы» (Сартр, 2022, с. 10). Можно заметить, что такого нарцисса в принципе невозможно удовлетворить – во всем, что для него делается, он увидит намек на преследующее его глубинное чувство собственной ничтожности. И тем более невозможно удовлетворить, когда проявление недовольствия, агрессии к окружающим и является его истинным желанием.

Внук также является полем войны против мужа: «Она открыто уличала меня в лицедействе, за которое не осмеливалась укорять мужа, она называла меня клоуном, шутком, кривлякой, требовала, чтобы я прекратил свое ломанье. Меня это возмущало, в особенности потому, что я угадывал тут насмешку и над дедом» (Сартр, 2022, с. 27). Таким образом, на квазиотцовство Карла Луиза реагирует саботажем: занимает позицию, диаметрально противоположную роли любящей матери-бабушки: «Такой родитель, сам, как правило, унижаемый и оскорбляемый в начале жизни, не хочет дать своему ребенку того, что было недоступно для него. Особенно в том случае, если будет видеть, что другой родитель идеализирует ребенка, тогда он будет просто-напросто стараться унижить едва формирующуюся личность» (Джонсон, 2001, с. 84–85). В итоге между двух огней оказывается Анн-Мари, и маленький Жан-Поль запоминает ее реакцию: «Испуганная мать, боясь бабушкиной злопамятности, шепотом робко журила деда, а он, пожав плечами, удалялся в свой кабинет; тогда мать начинала уговаривать меня, чтобы я попросил прощения у бабушки» (Сартр, 2022, с. 27). В нарративе Сартра этот эпизод окрашен тоном его могущества (якобы только от него зависит мир в семье) и даже наслаждения им.

Но такое убеждение слишком часто встречается у детей, выросших в конфликтных семьях, и защитная роль подобных убеждений слишком хорошо изучена, чтобы поверить, что в данном случае было иначе – что в детстве эта ответственность не ощущалась автором по меньшей мере как дискомфортная, что конфликт деда-«отца» и бабушки-«матери», нахождение в его центре не отравляли атмосферу и не деформировали его жизнь.

И дед, и бабушка ассоциируются у Сартра со льдом: про Луизу он говорит «эта женщина-ледышка...» (Сартр, 2022, с. 6); сознание Карла приравнивает к «ледяной пустыне, куда он редко навевывался...» (Сартр, 2022, с. 133–134).

Оба объединяются в травле дочери (Сартр не замечает очевидной противоречивости своего описания, а также старательно дистанцируется от переживаний матери, как будто признает аффилиацию только с дедом, но не с нею): «Оказавшись без средств, без образования, Анн-Мари решила вернуться под отчий кров. Но Швейцеры были уязвлены неподобающей смертью моего отца: уж очень она походила на развод. А так как моя мать не смогла ни предвидеть ее, ни предотвратить, ответственность возложили на нее: она легкомысленно выскочила замуж за человека, нарушившего правила благопристойности» (Сартр, 2022, с. 10) – «несовершенные» обстоятельства дочери бросают тень на нарциссическое совершенство родителей. Обычная в таких случаях реакция нарциссического гнева – «это из-за нее». «Долговязую Ариадну, возвратившуюся в Медон с младенцем на руках, приняли **как нельзя лучше**: мой дед, подавший было в отставку, вернулся на службу, **ни словом не попрекнув** дочь; даже бабушка **не выказала злорадства**» (Сартр, 2022, с. 10). Здесь Сартр (зачем-то) просто рассыпается в уверениях по вопросу, о котором ничего не может знать лично. Это напоминает классическую, фрейдовскую «позицию отрицания» – психика, столкнувшись с неким переживанием, неприемлемым представлением, вводит его в сознательный оборот в отрицающей форме. Выглядит так, что Анн-Мари именно попрекали и злорадствовали, выражали к ней агрессию – возможно, по большей части пассивно и токсично. «Но, подавленная благодарностью, Анн-Мари в **безупречном** обхождении угадывала хулу. <...> Стремясь заслужить **отпущение грехов**, Анн-Мари не щадила своих сил» (Сартр, 2022, с. 10) – таким образом, хула все-таки присутствовала, и вину ей транслировали.

Анн-Мари не имеет в родительской семье не только никаких прав, но и никакого достоинства: «К тому же есть на свете и хорошие немцы, те, что бывают у нас в гостях: краснолицая усатая романистка – Луиза с ревнивым смешком зовет ее Карлова Дульцинея, лысый доктор, который, притиснув Анн-Мари к дверям, пытается ее поцеловать; в ответ на ее робкую жалобу дед мечет громы и молнии: "Вам только бы ссорить меня со всеми!" Пожав плечами, он решает: "Тебе померещилось, дочь моя!", и Анн-Мари еще чувствует себя виноватой» (Сартр, 2022, с. 30). Единственное, что заботит инфантильного, эгоцентричного отца – его комфорт. Дочь по сравнению с этим не стоит ничего, она подлежит отрицанию и отмене, как только отцу становится неудобно иметь в виду ее существование.

Говорить отдельно о матери Жан-Поля достаточно сложно, из описания не складывается цельный образ. Стоит отметить, что это характерно как для описаний, которые дают своим родителям личности, диагностированные как нарциссические, пограничные или психотические, так и для описаний самих таких личностей. В первом случае мы имеем дело с невозможностью для слабого Я рассказчика свести воедино свои эмоционально полярные опыты, полученные в отношениях с одним и тем же лицом, во втором – с реальным отсутствием целостности, с неинтегрированностью Я у описываемого лица.

Анн-Мари предстает человеком, некомпетентным в эмоциональных коммуникациях, не понимающим их и не умеющим давать адекватный отклик: «...самоотверженно ухаживала за мужем, не позволяя себе, однако, такого неприличия, как любовь» (Сартр, 2022, с. 9). Это утверждение интересно само по себе, и равно интересно его происхождение. Едва ли мать сама говорила это Жан-Полю, скорее это его личное умозаключение, основанное на проекции какого-то собственного опыта с матерью – например, опыта чисто функциональной заботы без эмпатии. Здесь трудно не вспомнить замечание Д. Винникотта: «Да, можно вовлечь ребенка в принятие пищи и в функционирование на физическом уровне, но он не переживает этого как опыт, пока все это не основано на такой величине, как простое бытие, которой достаточно для формирования "я"» (Винникотт, 1998, с. 14). Чтобы позволить ребенку «быть», холдинг должен осуществляться не равнодушным автоматом, но «преданной матерью» (Винникотт, 1998, с. 7). «Луиза настроила дочь против супружества: кровавый обряд открывал собой вереницу ежедневных жертв вперебивку с еженощной пошлостью...» (Сартр, 2022, с. 9), – напрашивается предположение о глубинной враждебности к мужу и бессознательном заказе: «Умри». «...По примеру собственной матери, моя мать предпочла долг утехам» (Сартр, 2022, с. 9), – здесь уместно поставить вопрос, что имеется в виду под «долгом». Если действительно «по примеру матери», то это должны быть выполнение набора курационных функций без эмоциональной вовлеченности, скрытая враждебность и пассивная агрессия.

К сыну – изначально – она, видимо, тоже не испытывала эмоционального тяготения: «Бдения и заботы подорвали силы Анн-Мари, у нее пропало молоко, меня отдали кормилице, жившей по соседству, и я тоже приложил все старания, чтобы отправиться на тот свет от энтерита, а может, просто в отместку» (Сартр, 2022, с. 9). Возникает гипотеза об умирании как бессознательной конкуренции с умирающим отцом за внимание матери. А также о том, что оба – и сын, и отец – могли в этом инспирироваться бессознательным убийственным желанием Анн-Мари и, столь же бессознательно, исполнять его. Если так, то ядерная психическая проблема самого Сартра – угроза со стороны первичного объекта, то есть шизоидная.

Сартр пишет о спутанности, неясности ролей и статусов в его отношениях с матерью. Он не раз называет ее «старшей сестрой»: «Слушаться – но кого? Мне показывают юную великаншу и говорят, что это моя мать. Сам я склонен считать ее скорее старшей сестрой. Мне совершенно ясно, что эта девственница, проживающая под надзором, в полном подчинении

у всей семьи, призвана служить моей особе. Я люблю Анн-Мари, но как мне ее уважать, когда **никто ее в грош не ставит?** У нас три комнаты: кабинет деда, спальня бабушки и "детская". **"Дети" – это мы с матерью: оба несовершеннолетние, оба иждивенцы.** Но все привилегии принадлежат мне» (Сартр, 2022, с. 15).

Это, несомненно, взрослая ретроспективная оценка, и насколько ей соответствовали реальные ранние переживания (и тем более ранние концептуализации), неясно. В то же время из написанного можно заключить, что в период формирования психики Сартра (по крайней мере в той части, которую он помнит) мать, не воспринимаемая матерью, не выполняла для него материнских психических функций: не была объектом симбиоза и последующей сепарации, не была также объектом идеализации (в слиянии с которым ребенок ощущает его совершенство своим, а в последующих близнецовых отношениях – как пример своего собственного, якобы уже имеющегося), не была зеркалом его проявлений и, как увидим дальше, не была контейнером, перерабатывающим его аффекты. Идентификация с матерью присутствует, но не с ее силой, а с ее слабостью. Сартр пишет, как будто сливаясь с ней: «Я видел при этом только Анн-Мари, **юную подругу моих утренних пробуждений**, слышал только ее голос, **робкий голос служанки...** Пока Анн-Мари рассказывала, мы были с ней наедине, скрытые от глаз людей, богов и священнослужителей, **две лесные лани...**» (Сартр, 2022, с. 36). В этом фрагменте роли матери и ребенка перевернуты, Анн-Мари превратила сына в свое альтер эго, вместо того чтобы стать таковым для него.

Позже от матери можно ожидать улыбки, понимающего взгляда (Сартр, 2022, с. 37), уговоров (Сартр, 2022, с. 15), чрезмерной заботы: «Мать уже тут как тут – шерстяной свитер, шарф, пальто: **она меня кутает**, безвольно отдаюсь в ее руки» (Сартр, 2022, с. 214). Ласковый и послушный сын ее устраивает: «Ей даже нравилось, что я и в восемь лет остался портативным и удобным в пользовании, мой карманный формат сходил в ее глазах за продленное младенчество...» (Сартр, 2022, с. 119). Мы констатируем желание матери препятствовать взрослению, удержать в младенчестве – оставить своей куклой, заместителем собственного младенческого Я. Предстоящая в описании мать не жестока и не холодна, но она не чувствует запросов развивающегося сына, не понимает их, не способна ни отвечать, ни просто сосуществовать с ними.

Экспрессия ребенка и его претензии на какое бы то ни было место в мире ее пугают: «В редкие минуты, когда мне случалось расшалиться, мать шептала мне: "Опомнись – мы не у себя!" Мы **никогда** не были у себя: ни на улице Ле Гофф, ни позже, когда мать вышла замуж второй раз. Я от этого не страдал, потому что мне ни в чем не отказывали, но я оставался абстракцией» (Сартр, 2022, с. 75–76). Снова отрицание («ни в чем не отказывали»), но нигде не говорится, что автор хоть чего-то требовал. Из текста следует, что не выполнялось самое главное – селф-объектный запрос на отражение Я. Можно также отметить в эпизоде неспособность ассистировать ребенку в переработке интенсивного положительного аффекта.

Не может она выполнить селф-объектные функции и в отношении протестных аффектов, то есть агрессии: «Дрожа, готовый в любую минуту разорвать страничку, я повествовал о сверхъестественных жестокостях. Мать, когда ей случалось заглянуть через плечо в мою тетрадь, **воскликнула победно и тревожно**: "Какое воображение!" Покусывая губы, она пыталась что-то сказать, **не находила слов и внезапно убежала**; тут я и вовсе терял голову от страха» (Сартр, 2022, с. 128). Еще менее она способна контактировать (не говоря уже о переработке) с эмоциями фрустрационного ряда: «Подруги сказали матери, что я грустен, о чем-то мечтаю. Мать со смехом прижала меня к груди: "Вот так новости! Да ведь ты у меня всегда весел, всегда поешь. И о чем тебе грустить? У тебя есть все, что хочешь". Она была права: балованный ребенок не грустит. Он скучает, как король. Как собака» (Сартр, 2022, с. 81). Можно констатировать отрицание сына, полную ненастройку на него. Не исключены генеральный разрыв с окружающей реальностью и замещение ее фантазией, то есть функционирование на психотическом уровне.

Мать также неспособна быть посредником между сыном и обществом, организовывать социальные взаимодействия: Жан-Поль чувствует, что они «**неизменные просители, неизменно отверженные**» (Сартр, 2022, с. 119), в точности как в материнской родительской семье. Возможно, его воспоминания о матери так фрагментарны не только из-за недостаточной интегрированности, но и из-за действия защит, отгораживающих от подобных переживаний.

Отец ребенка, Жан-Батист Сартр, присутствует в нарративе в качестве мифа. Тон описания – самый пренебрежительный: «В 1904 году в Шербуре, морским офицером, уже подточенным тропической лихорадкой, он познакомился с Анн-Мари Швейцер, окрутил эту заброшенную долговязую девушку, женился на ней, в два счета награбил ребенком – мной – и **сделал попытку умыть руки**, отойдя в иной мир. Но умереть не так-то просто: тропическая малярия развивалась не спеша – временами наступало улучшение» (Сартр, 2022, с. 9). Сартр называет его «дитя безмолвия» (Сартр, 2022, с. 8), насмешничая над обстоятельствами его появления на свет – так же как и над обстоятельствами смерти. В описании присутствует и еще более прямо выражаемая агрессия: «Хороших отцов не бывает – таков закон; мужчины тут ни при чем – прогнили узы отцовства. Сделать ребенка – к вашим услугам; иметь детей – за какие грехи? Останься мой отец в живых, он повис бы на мне всей своей тяжестью и раздавил бы меня. По счастью, я лишился его в младенчестве. В толпе Энеев, несущих на плечах своих Анхизов, я странствую в одиночку и **ненавижу производителей, всю жизнь незримо сидящих на шее родных детей**. Где-то в прошлом я оставил молодого покойника, который не успел стать моим отцом и мог бы теперь быть моим сыном. Повезло мне или нет? Не знаю. Но я обеими руками готов подписаться под заключением известного психоаналитика: **мне неведом комплекс "сверх-я"**. Что это?» (Сартр, 2022, с. 12). Сартр пытается себя убедить, что смерть отца сыграла положительную роль в его становлении: «В самом деле, **поспешное исчезновение отца** наградило меня весьма ослабленным "эдиповым

комплексом": никаких "сверх-я" и вдобавок ни малейшей агрессивности. **Мать всецело принадлежала мне**, никто не оспаривал у меня безмятежного обладания ею; я не знал, что такое насилие и ненависть, был избавлен от горького опыта ревности» (Сартр, 2022, с. 19).

Бросаются в глаза два момента. Первое – вопиющая ложность самодиагноза: не замечая противоречий, автор далее рассказывает об ощущении всевидящего взгляда (Сартр, 2022, с. 71), о том, что всю жизнь пытался удовлетворить давно умершего деда (Сартр, 2022, с. 141) – это как раз Сверх-Я, в самом деструктивном, архаичном варианте. Он часто упоминает о своих кровожадных фантазиях (Сартр, 2022, с. 63, 128), но ему кажется, что мальчиком он не испытывал «ни малейшей агрессивности»; пишет, что безмятежно владел матерью, но, как мы показали выше, она не ощущалась им как ключевой объект, как источник экзистенциального ресурса.

Второе – контраст между утверждением о неважности в его жизни отца и массой проявляемых при этом эмоций. Здесь видится, что насмешка – это маниакальная защита. Автору комфортно говорить об отце, он защищается смехом, «облегчением стиля», но к отцу у него огромная претензия. Если бы он мелькнул в его жизни, не оставив следа, как утверждает автор, этой претензии не могло бы возникнуть. Никакое воображаемое обстоятельство не вызывает аффективного отклика иначе, как активизируя что-то из реального опыта субъекта. Здесь видятся две составляющие. Отец кое-что сделал. Он стал причиной преждевременной сепарации в младенчестве – мать бросила Жан-Поля из-за него. Также отец кое-чего не сделал. Не стал второй опорной фигурой, не помог в нормальной сепарации, не стал объектом вторичной идентификации и идеализации, не стал ролевой моделью и образом собственного будущего (из-за последнего Сартру так и не удалась полноценная социализация в собственном гендере). Также он не поделился жизненными знаниями, навыками и ориентирами. Не предоставил даже протезы, компенсирующие травматические дефициты остановившейся в развитии самости: набор интроектов, репрессивный контроль и принудительную социализацию. Последнее Сартр даже осознает, хотя в итоге трактует неверно, полагая такое подавление и внедрение интроектов естественным способом формирования Я – ему неоткуда знать, что оно строится из собственных переживаний, подтверждаемых окружением, ведь у него нет такого опыта, – и проговаривается, что это было бы лучше, чем имеющийся вакуум. «Будь у меня отец, он обеспечил бы меня бременем устойчивых предрасположений. Внедрившись в мое "я", он обратил бы свои прихоти в мои устои, свое невежество в мою эрудицию, свою ущемленность в мое самолюбие, свои причуды в мои заповеди. Сей почтенный квартирант внушил бы мне самоуважение, а самоуважение стало бы основой моего права на жизнь. Мой родитель определил бы мою будущность: инженер от рождения, я не знал бы ни забот, ни хлопот» (Сартр, 2022, с. 75).

Связанные со всем этим переживания, по большей части оставшиеся неосознанными и недифференцированными, похоже, и породили такую странную, казалось бы, алогичную ненависть. Кроме того, на образ

отсутствующего отца смещены протестные эмоции, возникавшие во взаимодействии с другими членами семьи – матерью, дедом, бабушкой. Ни о ком из них, то есть тех, с кем он коммуницировал в реальности, Сартр не пишет с агрессией, хотя бы отдаленно сравнимой с той, что адресует ни разу не увиденному отцу. Также примечательно, что, говоря о бедствиях, от которых его якобы спасла смерть отца, Сартр, сам того не замечая, перечисляет то, что с ним на самом деле сделали. И сделал это дед – внедрил свои устаревшие взгляды (Сартр, 2022, с. 52), фатально испортил отношение к выбранной деятельности (Сартр, 2022, с. 136), оставил внутри свой требовательный и ничем не удовлетворяемый токсичный интроект (Сартр, 2022, с. 141, 142).

Еще один дисфункциональный параметр этой семьи, который автор описывает, не понимая, что это дисфункция, – отсутствие дифференцированности участников, избегание осознания своих границ и автономного Я и непризнание их наличия друг у друга: «Наша семья – какой разгул великодушия: дед дает мне средства к жизни, я даю ему счастье, мать жертвует собой ради всех. Теперь, по зрелом размышлении, только одно ее самопожертвование и кажется мне непритворным, но в ту пору мы были склонны обходить его молчанием» (Сартр, 2022, с. 24). Мы бы сказали, что видим разгул слияния и поглощения, в котором непонятно, где заканчивается один и начинается другой и кто что в действительности делает.

Однако он очень хорошо чувствует фальшивость своего положения в этой системе: «Шарль меня ласкал, чтобы задобрить смерть, Луиза находила в моих проказах оправдание своему дурному настроению, Анн-Мари – своей покорности. И, однако, не будь меня, родители все равно приютили бы Анн-Мари, а ее безответность все равно сделала бы ее игрушкой Луизы. Не будь меня, Мама все равно дулась бы на всех, а Шарль восторгался бы вершинами Мон-Сервен, метеорами или чужими детьми. **Я был случайным предлогом их ссор и примирений**, подлинные причины крылись в другом, их надо было искать... в старом, дряхлеющем сердце, в прошлом, в том, что происходило задолго до моего рождения. Я был для взрослых отражением семейного лада и стародавних семейных несогласий, они пользовались моим богоданным детством, чтобы выявить свое "я". А сам я жил в тревоге: в то время как весь их ритуал призван был убедить меня, что нет на свете ничего нецелесообразного, что все, от мала до велика, занимают определенное место в мире, смысл моего собственного существования от меня ускользал, я чувствовал себя сбоку припека, я стыдился своего неоправданного присутствия в этом упорядоченном мире» (Сартр, 2022, с. 74).

Структура личности «клиента»

Описав центральные фигуры родительской семьи, обратимся к самому Жан-Полу.

Свои ранние годы Сартр, в полном противоречии с приводимыми им фактами, трактует как стечение счастливых обстоятельств. В неизвестном возрасте он был отдан кормилице, опасно заболел, в девять месяцев

был отлучен от груди, а после смерти отца – также в неизвестном возрасте – снова возвращен матери (Сартр, 2022, с. 10). Некоторые элементы этого повествования выглядят как глубокий инсайт в младенческие переживания, другие же – как абсолютно нереалистичные защитные фантазии, отрицающие реальное (разрушительное) влияние таких переживаний на формирование психики и судьбы: «...меня отдали кормилице, жившей по соседству, и я тоже приложил все старания, чтобы отправиться на тот свет от энтерита, а может, просто **в отместку**»; «Не подоспей, на мое счастье, эта двойная агония, мне не миновать бы опасностей, которым подвергается ребенок, поздно отнятый от груди. Но я был болен, и когда меня, девятимесячного, пришлось отлучить от груди, в лихорадке и бесчувствии взмах ножниц, которыми разрезают **последнюю нить, связывающую мать с младенцем**, прошел для меня незамеченным. Я окунулся в мир, населенный **примитивными галлюцинациями и первородными фетишами**» (Сартр, 2022, с. 10). Таким образом, имела место сепарация на этапе формирования привязанности – распространенный источник проблематики безопасности, то есть шизоидной (Джонсон, 2015, с. 28), затем болезнь, которую можно трактовать как попытку решить эту проблему также весьма распространенным, характерным для нее путем: уходом в безобъектный мир, предельной регрессией, то есть отказом от жизни (Гантрип, 2010, с. 77, 325).

Травма такого рода в дальнейшем может быть компенсирована высокоэмпатичным родительским обращением, однако в случае Сартра, как мы выяснили ранее, имело место противоположное – дисфункциональное окружение, удовлетворявшее через него собственные психоэмоциональные потребности – способами, в лучшем случае дававшими ему некоторую иллюзию необходимых переживаний, корректирующих изначальный опыт невозможности и ненужности существования.

Далее Сартр, признавая отсутствие связи с матерью, утверждает, что она была потеряна лишь с его стороны: «После смерти отца мы с Анн-Мари оба разом очнулись от наваждения, я выздоровел. Но вышла невязка: Анн-Мари обрела любимого сына, которого по сути дела никогда не забывала, **я пришел в себя на коленях у незнакомки**» (Сартр, 2022, с. 10). Однако абзацем выше он проговаривается о диаметрально противоположном инсайте: «...моя мать, неопытная и одинокая, разрывалась между двумя умирающими, **совершенно ей незнакомыми**» – таким образом, он все же ощущает, что в отношении матери к нему что-то было изначально не так.

Рассказывая о том, что в семье поддерживалась видимость идиллии, Сартр упоминает момент (ретроспективно трактуемый им как сознательная манипуляция), содержащий, помимо того смысла, который он в нем видит (фальшивость коммуникаций в семье), также информацию об уровне психического функционирования его матери и, опосредованно, о ситуации в семье с границами и дифференцированностью участников друг от друга: «Я, разумеется, обожал Луизу – ведь это была Моя бабушка. Меня научили называть ее Мами, а главу семьи – его эльзасским именем Карл. Карл и Мами – это звучало почище, чем Ромео и Джульетта или

Филимон и Бавкида. Мать не без умысла по сто раз на дню повторяла мне: "Карлимами нас ждут", "Карлимами будут рады", "**Карлимами...**", подчеркивая интимным союзом этих четырех слогов полное взаимное согласие действующих лиц. **Я попадался на эту удочку лишь отчасти, но притворялся – прежде всего перед самим собой, – будто попадаю до конца»** (Сартр, 2022, с. 27). Соединение отца и матери в одном слове – часто встречающееся проявление недифференцированности родительского объекта, признак того, что в психике говорящего эти две фигуры слиты воедино. Поскольку родительский объект и собственное Я развиваются в психике синхронно и реципрочно, этот пассаж дает основание полагать слабую дифференцированность также собственного Я Анн-Мари и, в совокупности со всем сказанным о ней ранее, что уровень ее психического функционирования был не выше пограничного. Также это можно трактовать как еще один признак того, что в семейной системе в целом участники слабо ощущали свои границы и отдельность собственного Я от Я других (если вообще замечали наличие последних) и по большей части пребывали в слиянии.

Слияние, конечно, не подразумевает отсутствия иерархии – с разрывом в две страницы одними и теми же словами описываются коммуникации и с людьми, низшими по социальному статусу, и внутри семьи. Маленький Жан-Поль демонстрирует дедовский паттерн фальшивого великодушия, но люди вне его круга при этом не должны забываться: **«С меньшей братией я обращаюсь как с равными; это ложь во спасение, я лгу, чтобы их осчастливить, а им надлежит попадаться на удочку, но не до конца. К няне, к почтальону, к комнатной собачонке я обращаюсь терпеливым и сдержанным тоном»** (Сартр, 2022, с. 25).

Также интересна для понимания формирования характера эволюция нарратива, которую сам автор, по-видимому, не замечает. Сначала он, безусловно, верит в «семейную комедию», в собственную ценность и в Бога: **«Мне говорят, что я хорош собой, и я этому верю. С некоторых пор у меня на правом глазу бельмо, впоследствии я буду косить и окривею, но пока это еще незаметно. Меня то и дело фотографируют, и мать ретуширует снимки цветными карандашами. Одна из фотографий сохранилась: я на ней белокур, розов, кудряв, щеки пухлые, во взгляде ласковая почтительность к установленному миропорядку, в надутых губках затаенная наглость – я себе цену знаю»** (Сартр, 2022, с. 21); **«...вначале я верил: в ночной рубашке, преклонив колени на кровати, я творил перед сном молитву, хотя с каждым днем все меньше думал о Боге»** (Сартр, 2022, с. 87–88); **«словами, оброненными как бы невзначай, набрасывает она картину моих будущих деяний... и я попадаю на удочку этих разнеживающих пророчеств»** (Сартр, 2022, с. 15).

Затем отрицает эту веру: **«Меня вызвал к жизни порыв к добру. Причинную связь проследить легко: изнеженный материнской лаской, обезличенный отсутствием сурового Моисея, который меня зачал, избалованный поклонением деда, я был объектом в чистом виде, обреченным**

прежде всего на мазохизм, **если бы я хоть на минуту уверовал в семейную комедию»** (Сартр, 2022, с. 98). Мы видим в этом пассаже защиту. Изливаемая здесь ненависть к своей вере суть месть, отреагирование мучительного стыда за то, что верил. Теперь факт веры необходимо отрицать: «этого не было!»

Наконец нехотя признает, что в восприятии себя у него произошел слом: «Некоторое время домашние держали меня в этом приятном заблуждении; мне твердили, что я дар небес, что меня дождаться не могли, что деду и матери я дороже жизни; **теперь** я в это больше не верил...» (Сартр, 2022, с. 143). Таким образом, попытка преодолеть изначальное травматическое переживание – невозможности жить, ненужности себя, своей жизни – провалилась. Однако она, как мы увидим далее, создала следующий слой проблематики – неаутентичности, фальшивости сознательно проживаемого Я, которая задала итоговый вектор адаптации психики ко всему комплексу проблем: нарциссический.

На фоне общего лицемерия обращенная к маленькому Жан-Полю коммуникация транслирует требование быть чем-то большим, чем он является и даже чем может убедить себя, что является, – и он, пытаясь получить санкцию на существование, пытается соответствовать. Отсюда ощущение самозванства и лжи: «У меня хорошие задатки, но этого мало: мне положено быть пророком, ведь истина глаголет устами младенцев» (Сартр, 2022, с. 21). Описания пестрят ретроспективными рационализирующими фантазиями, в моменте он в силу возраста так думать не мог: «Ничего не попишешь! Я готов самоотверженно доставлять им изысканное наслаждение, недоступное мне самому. Мое кривлянье рядится в тогу великодушия: горемыки взрослые страдали, не имея детей; растроганный, в порыве альтруизма, я вышел из небытия, обернувшись дитятей, дабы им казалось, будто у них есть сын» (Сартр, 2022, с. 23). Обман долго удавался, так как был нужен обеим сторонам, что порождало бессознательный сговор. Ребенку жизненно необходимы были родительские фигуры, реагирующие на его существование радостью (интериоризация которой создает позитивное переживание самого себя), так что он заставлял себя верить, что все обстоит именно так. Окружающие же, со своей стороны, хотели проиграть через ребенка фантазии, отрицающие и компенсирующие травмы их собственного детства.

В результате мальчик не мог получить подтверждения не только положительности, уместности, но и самой реальности своего существования – как основанного на реально переживаемых чувствах и порождаемых ими действиях: «Я бросался к взрослым, ища подтверждения моих достоинств, то есть снова увязал во лжи» (Сартр, 2022, с. 71–72). Поскольку эти подтверждения никогда не затрагивали его реальных переживаний, а касались лишь их собственных выдумок, он просил снова и снова подтвердить реальность этих выдумок: «Приговоренный нравиться, я выставлял напоказ свои прелести, но они блекли на глазах. Я повсюду влачил за собой свое наигранное простодушие, свою ничемную значительность в надежде подстеречь счастливый случай; еще

минута – и я ухвачу его, я становлюсь в позу, и она возвращает меня к привычной пустоте, от которой я бежал» (Сартр, 2022, с. 72).

Некому дать созвучный отклик на собственный, еще не дифференцированный и даже не замечаемый аффект (неспособность замечать в его случае изначально проистекает из защитной изолированности аффективной сферы, а отсутствием откликов – усугубляется), копятя разочарования, появляется наблюдение: «...я и взрослых подозревал в лицедействе. Они обращались ко мне со словами-конфетками, а между собой говорили совсем другим языком. К тому же порой им случалось нарушать молчаливый, но священный уговор: я корчил самую пленительную гримаску, ту, в которой был совершенно уверен, а мне вдруг отвечали настоящим голосом: "Иди поиграй, малыш, не мешай нам разговаривать". А иногда у меня возникало чувство, что я пешка в чужой игре... я стою тут же, и никому до меня нет дела» (Сартр, 2022, с. 73). Сартр описывает свое озарение через метафору театра: «Мне внушили, что мы на то и живем, чтобы разыгрывать комедию. Я готов был в ней участвовать, но при условии, что мне предоставят главную роль. Однако в минуты озарения, которые повергали меня в отчаяние, я замечал, что роль у меня дутая: текст длинный, много выходов, но ни одной сцены, где я был бы пружиной действия, одним словом, я только подаю реплики взрослым» (Сартр, 2022, с. 74). Выражаясь в терминах селф-психологии, Жан-Поль хочет получить главную роль в собственной жизни, стать автономным центром жизненной инициативы (Кохут, 2017, с. 99). И это не грандиозность, а фундаментальная потребность психики – строить себя из собственных аффективных переживаний и ориентироваться на них, вместо того чтобы обслуживать аналогичные потребности старших.

При этом Сартр считает себя добровольным и полноправным участником сделки: «Я неустанно творю себя: я даритель, и я же даяние» (Сартр, 2022, с. 24). К сожалению, творит он себя, ориентируясь на необходимость быть даянием, а не на то, что ощущает сам, поэтому творимое не переживается им ни живым, ни надежным. Таким же образом он отрицает, что включен в семейную (и какую бы то ни было) иерархию: «Повелевать и подчиняться – это, в сущности, одно и то же. Самый полновластный человек всегда повелевает именем другого – канонизированного захребетника, своего отца, и служит проводником абстрактной воли, ему навязанной. Я отродясь не отдавал приказаний, разве чтобы посмешить себя и окружающих. Язва властолюбия меня не разъедает, немудрено – меня не научили послушанию» (Сартр, 2022, с. 14). Мы видим здесь смысл прямо противоположный: его научили очень хорошо. Следовать желаниям окружающих и не ощущать собственные – это именно послушание. Жан-Поль не вступает с окружающими в конфронтацию по большей части даже не из страха, а потому что не замечает ни своих нужд, ни их фрустрации, ни протеста. Да, его не разъедает язва властолюбия – разъедает жажда обожания. Такой букет нераспознанных переживаний не мог не создавать мощного диффузного дискомфорта, и, может быть, именно поэтому позитивная оценка Сартром раннего детства утрирована до сарказма и переходит в издевку над собой: «То было райское житье. По утрам я просыпался

в радостном изумлении, ликуя, что мне так неслыханно повезло и я родился в самой дружной на свете семье, в самой лучшей под солнцем стране. Недовольные шокировали меня: на что им было роптать? Смутьяны, да и только» (Сартр, 2022, с. 26). В последней строке этого пассажа прорывается также и страх перед собственными неосознаваемыми протестными эмоциями.

Так же точно, переживая шок и отрицая, ребенок справлялся с прорывом аутентичных желаний в церкви (Сартр, 2022, с. 20), по отношению к «отцовской» фигуре учителя, которого называли «запретным» словом (Сартр, 2022, с. 68), в ситуациях сильного стыда (Сартр, 2022, с. 93–95). В пятилетнем возрасте он переживает столкновение со смертью, которая будет преследовать его в пугающих образах долгие годы (Сартр, 2022, с. 80–81, 83). Взрослые никак не помогают мальчику. Более того, они и не знают. Он один.

Помимо защитной идеализации источником фантазий о своем детстве как безоблачном является мать, у самого мальчика нет контакта со своими реальными переживаниями: «Дрожащие минуты осыпаются, погребая меня, бесконечно долго агонизируют, они увяли, но еще живы, их выметают, на смену им приходят другие, более свежие, но такие же бесплодные; эта тоска зовется счастьем. **Мать твердит мне, что я самый счастливый мальчик в мире**, как я могу ей не верить, ведь это правда! О своем одиночестве я никогда не думаю, во-первых, я не знаю, как это называется, во-вторых, я его не замечаю, я всегда на людях. Но это ткань моей жизни, основа моих мыслей, уток моих радостей» (Сартр, 2022, с. 81). Далее Сартр еще раз ненамеренно дает нам подтверждение, что был глубоко несчастным ребенком и старался убежать от этого знания: «Первые годы жизни в особенности вымараны мной начисто; взявшись за эту книгу, я вынужден был потратить много времени на расшифровку перечеркнутого. Когда мне было тридцать лет, друзья удивлялись: "Можно подумать, что у вас не было ни родителей, ни детства". Болван, мне это льстило» (Сартр, 2022, с. 208).

Страх скандала (Сартр, 2022, с. 20), который в этой семье генерируется женщинами, парализует его экспрессию, а желание матери иметь девочку делает еще более пассивным: «Мой пол, как у ангелов, не был четко обозначен, но в нем проглядывала женственность. Ласковая сама, мать приучила меня ластиться, одиночество довершило мое воспитание, отратив меня от буйных проказ» (Сартр, 2022, с. 90). И хотя Жан-Поль в экстремальной ситуации подражает деду (Сартр, 2022, с. 89), проявлять себя спонтанно, в соответствии со своим полом и возрастом, даже просто понимать свои желания ему архисложно: «...Наедине с собой я терял представление о своих вкусах, я не мог просто констатировать их, мне приходилось ловить их, подталкивать, вдвухать в них жизнь. Я не был уверен даже в том, что предпочитаю говяжий филей телячьему жаркому. Дорого бы я дал, чтобы во мне возник пересеченный ландшафт с громадами предвзятых мнений, несокрушимых как скалы» (Сартр, 2022, с. 78). Убежденность в том, что личные предпочтения – это «предвзятые мне-

ния», выглядела бы странно, если бы мы не помнили, что живое, ясно ощущаемое тяготение к чему-то находится за пределами его опыта.

Маленький Жан-Поль лишен даже «первобытных порывов» или «буйных требований» тела: «Впрочем, беда была бы невелика, живи я в добром согласии со своим телом... За столом я выполнял свои обязанности едока, и Господь ниспосылал мне иногда – изредка – благодать, состоящую в том, чтобы есть без отвращения, то есть аппетит» (Сартр, 2022, с. 76). Блокировка жизненных сил, импульсов, восприятия тела, ощущаемых угрозой существованию Я – «моя жизнь угрожает моей жизни» (Джонсон, 2015, с. 101), – крайне характерны для проблемы безопасности. В ее контексте отвращение к пище обычно генерируется такими темами, как ставшая жизненным паттерном реакция младенца на токсичную (в его восприятии) коммуникацию матери, генеральный защитный отказ от взаимодействия с объектами, утверждение бессознательных фантазий самодостаточности, отсутствия потребностей, свободы от тела. В случае Сартра – при фатальной искаженности откликов окружающих, из-за чего их невозможно применить для дифференциации аффекта – отсутствие контакта с телом усугубляется соматизацией, то есть использованием тела для физического проживания всего того, что не удалось перевести на уровень психического: «Под этими неусыпными взглядами я начинал чувствовать себя неодушевленным предметом, комнатным растением. Кончалось всегда тем, что меня укладывали в постель. Задыхаясь от жары, потев под одеялами, я уже не мог разобрать, что меня тяготит – мое собственное тело или недомогание» (Сартр, 2022, с. 77). Он, конечно, не может понять причин и объясняет фантастической рационализацией: якобы у мальчика не было контакта с телом, потому что он слишком хорошо жил.

Где-то к семи годам, ощущая себя «херувимом не первой свежести» (Сартр, 2022, с. 96), Жан-Поль суммирует свои переживания: «...Я пытался найти прибежище в одиночестве своего подлинного "я", но у меня не было "я" – в глубине своей души я обнаружил озадаченную безликость» (Сартр, 2022, с. 95); «зеркало подтвердило давно известную мне истину: мое уродство неподдельно. От этого открытия я так и не оправился» (Сартр, 2022, с. 96).

Таким образом, на основании самоанализа Сартра мы можем заключить, что организация личности, сложившейся в результате его попыток адаптироваться к ранним травмам, может быть определена как нарциссическая – при том, что соответствующая проблема в его случае не была первичной, а легла поверх более глубоких, связанных с темами безопасности, потребностей, автономии, и попытка грандиозной нарциссической адаптации (не удавшаяся до конца) была интегральным ответом психики на все сочетание проблем. Примечательно, что, отрицая это, в качестве аргумента – сам не замечая – он приводит как раз один из классических симптомов нарциссизма: «...тому, кто хочет нравиться, не до ненависти. И не до любви. Выходит, я Нарцисс? Нет, даже и не Нарцисс. Всецело поглощенный тем, чтобы пленять окружающих, я забываю о себе. По правде говоря, вовсе не так интересно лепить пирожки из песка, рисовать

каракули и удовлетворять естественные нужды – мои деяния приобретают цену в моих глазах не раньше, чем хоть один из взрослых придет от них в восторг» (Сартр, 2022, с. 31). Как мы говорили ранее, представления Сартра о психоанализе превратны. Определение нарциссизма не подразумевает, что субъект нацелен на удовлетворение своих желаний: «Патологии, объединенные общим названием "нарциссические", – являются, просто выражаясь, результатом 1) твоего бытия скорее тем, кем хотели, чтобы ты был, а не тем, кто ты есть в действительности и 2) твоей блокировкой в той точке, в которой для действительного становления собой тебе необходимо было поддерживающее отражение» (Джонсон, 2001, с. 194). В описании детства мы увидим весь набор чувств, которые являются «паспортными» для нарциссов: «Я уже упомянула о многих переживаниях людей, которые диагностируемо нарциссичны. Эти переживания включают ощущение неопределенной лживости, стыда, зависти, пустоты или незавершенности, уродства, неполноценности или их компенсаторных противоположностей: самоуверенности, гордости, презрения, защитной самодостаточности, тщеславия и чувства собственного превосходства. Кернберг (*Kernberg*, 1975) описывает такие полярности как противоположные эго-состояния, грандиозные (полностью хорошие) против обесцененных (полностью плохих) определений Я, которые являются единственными доступными для нарциссичных людей вариантами организации внутреннего опыта. Ощущение "достаточного хорошего" не входит в список их внутренних категорий» (Мак-Вильямс, 2021, с. 261).

В «Словах» Сартр упоминает, совершенно в стиле этой книги, т. е. походя, так что непонятно, к чему именно это относится, а оттого и что в итоге значит, что знакомый психоаналитик употребил выражение «невроз формирования характера» (Сартр, 2022, с. 200). Если предположить, что имеется в виду упомянутое фразой выше исчезновение симптомов («самокопание») в десять лет, то есть если речь о том, что эти симптомы были частью некоторого преходящего этапа становления личности, то мы с таким видением не согласимся. Если же автор, безотносительно того, что имел в виду психоаналитик, адресует это содержимому следующей фразы, о том, что наработанные в детстве патологические паттерны, перестав осознаваться, продолжили определять его жизнь, то есть речь о «неврозе характера» (выражаясь современным языком – расстройстве личности), то с этим мы полностью согласны. При всей интеллектуальной и эмоциональной работе, проделанной Сартром, в том числе в творчестве, основные переживания себя-в-мире, в отношениях с людьми и объектами остались неизменными до самой смерти. Думая, что умрет в окружении книг, в одиночестве, в неизвестности, Сартр ошибся: у него под старость были слава, деньги, любящие женщины, деликатный уход близких людей. Тем не менее в «Adieux: A Farewell to Sartre» Бовуар вспоминает, как в 1974 году (через 10 лет после «Слов») у нее состоялся диалог с Сартром: «Когда мы обедали с Сильви, он был таким молчаливым, что я

¹⁶ «When we were having lunch with Sylvie he was so silent that I said, "What are you thinking about?" "Nothing. I'm not here". "Where are you?" "Nowhere. I'm empty"».

спросила: "О чем ты думаешь?" – "Ни о чем. Меня здесь нет". "Где ты?" – "Нигде. Я опустошен" (*De Beauvoir*, 1984, p. 72)¹⁶. Помимо переживания нарциссической «пустотности», как мы узнаем из серии интервью, Сартр до конца находился не в контакте с простейшими витальными проявлениями. Это отражалось в его предпочтениях в еде, вплоть до того, что он не мог сформировать непосредственного впечатления о своем вкусе и пытался классифицировать помидоры или морепродукты, чтобы объяснить свое к ним отношение (*De Beauvoir*, 1984, p. 357), в его спровоцированных необоснованным приемом лекарств болезнях (*De Beauvoir*, 1984, p. 111), в его сексуальной жизни: идентичность взрослого мужчины неприемлема (*De Beauvoir*, 1984, p. 307); любовные отношения описываются как присвоение женской эмоциональности, Сартр пытается влюбить в себя (*De Beauvoir*, 1984, p. 321); ему необходимо «собирать» свое тело через ласки гораздо сильнее, чем получать разрядку от сексуального акта (*De Beauvoir*, 1984, p. 325). Он по-прежнему не может дать адекватную эмоциональную оценку событиям, которые вспоминает. Так, жестокость детей в образовательных учреждениях, куда его отдавали, прекрасно понята Бовуар, которая его интервьюирует, но как будто не идентифицируется Сартром, который рассказывает, как его избивали (*De Beauvoir*, 1984, pp. 158, 160). Недостаточная эмоциональная вовлеченность имеет итогом то, что он ссорится со всеми своими друзьями и не жалеет об этом (*De Beauvoir*, 1984, p. 296). Все его привычные стратегии, включая способность легко отречься от себя и внезапно прибегать к идеализации (например, деда – который «украсил меня внутренним качеством, интимным, субъективным равенством с маленьким принцем, которое, могу добавить, было не чем иным, как его собственной добротой и великодушием, которые, как он видел, отражались во мне») (*De Beauvoir*, 1984, p. 260)¹⁷ или обесцениванию (например, травмы – *De Beauvoir*, 1984, p. 159), также остаются в его арсенале. В ретроспективных фантазиях о детстве он утверждал, что он был закормлен и заласкан, поэтому ни в чем не нуждался. Во взрослом возрасте это оборачивается нарциссическим стыдом, он не просит ничьей помощи, так как не признает нужды в другом человеке, даже когда помощь необходима: «...Сама мысль о помощи кажется мне невыносимой» (*De Beauvoir*, 1984, p. 308)¹⁸.

Еще одно, косвенное, подтверждение гипотезы о структуре личности Сартра, помимо этих устойчивых особенностей проявления Эго и использования в отношении Сартра термина «нарциссизм» разными авторами (которое было освещено в обзоре литературы), дает такое специфическое средство психоаналитической диагностики, как контрперенос. «Дегуманизирующий эффект установок нарциссического пациента обуславливает некоторые негативные реакции контрпереноса» (Мак-Вильямс, 2021, с. 265). В тех случаях, когда строгость академического

¹⁷ «So at that juncture I was adorned by him with the inward quality, the intimate, subjective equality of the little prince, which was, I may add, nothing but his own kindness and generosity that he saw reflected in me».

¹⁸ «Although I'm neither relevant nor handy, I than ask anyone for anything. I don't like being helped. I find the idea of help quite unbearable».

стиля не сушит эмоциональные отклики, мы наблюдаем именно эти негативные реакции – раздражение, презрение, проективное желание морализаторства. Например, исследовательница творчества Сартра Наталья Бонецкая отмечает: «Сартр считал себя "ответственным" за все – вплоть до мировой войны. Почему же он созданное им мрачное марево выдаст читателю за естественное человеческое существование?!» (Бонецкая, 2020, с. 119); «Сартра "тошнит" от созданной им для себя реальности, но он крепко держится за нее, предпочитая всматривание в темные закоулки и внюхивание в миазмы усилию, переносящему в старый Божий мир. Видимо, сделать такой рывок он в принципе не желает» (Бонецкая, 2020, с. 115). Или: «Чрезвычайно роднит Сартра и Сада огромное влияние их жизненного опыта, в том числе и сексуального, на литературное творчество. И тот и другой не брезгают в своих произведениях откровенной порнографией» (Гасилин, 2017, с. 61); «Злокачественная опухоль литературного садизма, зародившись, дает многочисленные метастазы. Одной из них оказывается экзистенциальная литература, ярчайшим представителем которой выступает Жан-Поль Сартр» (Гасилин, 2017, с. 66). Подчеркнем: интерес здесь вызывает не позиция авторов (может быть, вполне обоснованная), а выбор эмоционально окрашенных слов, характерных для реакции на обесценивание (которое, наряду с идеализацией, является приоритетной защитой нарциссически организованных личностей), на нарциссическую эмоциональную бедность в любовных отношениях, на эгоцентризм и объективацию людей.

Таким образом, мы полагаем, что Жан-Поль Сартр действительно может быть охарактеризован как нарциссически организованная личность, которой из-за шизоидного ядра (изначальная проблематика – безопасность) и силы травмы не удалось построить полноценную грандиозную адаптацию и разорвать контакт с переживанием своей дефектности.

Мучительные дефициты толкают маленького Жан-Поля к поиску компенсаций. За пределами творчества (письма), которое имеет в этой истории особый статус, мы можем выделить несколько полей, нахождение в которых давало его психике то или иное «лекарство», и несколько коротких периодов, когда он не чувствовал себя неподлинным и пустым.

Протестные эмоции и отрицаемую агрессию можно было дифференцировать, интегрировать, когнитивизировать и отреагировать, мечтая о мщении немцам за потерянные в 1870 году Эльзас и Лотарингию. Немцам же можно было проективно отдать чувство униженности и стыда, «прежде чем выпустить им кишки» в фантазии (Сартр, 2022, с. 103). Сам Сартр объясняет свои мечты общенациональным ресентиментом («я был внуком поражения» (Сартр, 2022, с. 103)), хотя с точки зрения психоанализа такое чувство изначально питается индивидуальным детским опытом униженности, а привязка к политическим темам (так же как в предыдущую эпоху к темам религиозным) – лишь использование групповых фантазий для его безопасной объективации. Кровожадные выдумки, довлевшие над Жан-Полем с шести до девяти лет, не могли возникнуть лишь по мотивам бытовых реакций взрослых, тем более что Сартр

сам признает: знакомые немцы в детстве ему нравились, а войны наводили скуку (Сартр, 2022, с. 103).

Сразу несколько психоэмоциональных задач позволило решить знакомство с кинематографом. «Кинематограф доказывал нечто прямо противоположное: казалось, не празднество, а скорее бедствие объединяет эту на диво разношерстную толпу» (Сартр, 2022, с. 106). Автор дает экзистенциальное объяснение своим чувствам: «Этикет отмер, и обнажилась наконец подлинная связь людей, их спаянность. Я возненавидел церемонии, я обожал толпу» (Сартр, 2022, с. 106). Логично было бы в такой ситуации переживать сопричастность зрителей, одинаково восхищенных картиной, умиление, совместный восторг, но «обнаженность» друг перед другом людей разных классов резонирует у Сартра с чувством катастрофы. Тем более что мы знаем из его школьных опытов: обычно обезличивание вызывает у него растерянность, мальчику дискомфортно в месте, где непонятна иерархия (например, Сартр, 2022, с. 67). Или в более поздние годы: «Юный феодал, я воспринимал обучение как форму личной зависимости... Лекции с кафедры, адресованные всем, демократическая холодность закона меня обескуражили» (Сартр, 2022, с. 191). Так что «обожание» Сартром толпы (если она реальна, то есть это не воображаемая «толпа читателей») вызывает сомнение, и кажется, что он снова неверно интерпретирует свои чувства. Переживание, которое психика мальчика получила в толпе, – это его личный материал, обретший наконец форму за счет групповой сэлф-объектной обработки: «смутное сознание того, что быть человеком опасно» (Сартр, 2022, с. 107), а итоговое позитивное ощущение – катарсическое облегчение от того, что проблемный аффект дифференцирован и, возможно, отчасти отреагирован.

Однако еще важнее было то, что начала удовлетворяться потребность в психоэмоциональном слиянии с идеализированным объектом – первый уровень нарциссического переноса (Кохут, 2003, с. 55): присутствующему на экране Другому делегируется не только задача дифференциации и переработки собственного аффективного материала, но и поручается быть носителем связанного с этим материалом достоинства (часто доводимого до уровня грандиозности), связанного с ним смысла и экзистенциальной ценности – которые невозможно признать за самим собой, так что войти в контакт с ними удастся лишь таким, опосредованным образом. «Я был соучастником: на экране плачет молодая вдова, это не я, и все же у нас одна душа – похоронный марш Шопена, и вот уже **мои глаза наполняются ее слезами**» (Сартр, 2022, с. 109). Мальчик смог спроецировать ощущение своей иллюзорности, несуществования на киногероев (Сартр, 2022, с. 108), полюбил их «неизлечимую немоту» (Сартр, 2022, с. 108), так созвучную глубинной немоте относительно своих чувств и своего Я. Великая нужда в переработке сырых, полусоматических «вибраций» в полноценные чувства и их осознанном проживании отчасти насыщается, и возникает надежда на то, что в них есть ценность и смысл и что они соединяются в некую непрерывность – жизнь, также имеющую смысл: «...даже сами случайности этого поединка неукоснительно подчинялись развитию музыкальной темы – это были лжеслучайности, за

которыми явственно ощущался всемирный порядок. Вот здорово было, когда последний удар ножа совпадал с последним аккордом! Я был на седьмом небе, я нашел мир, в котором хотел бы жить, я приближался к абсолюту» (Сартр, 2022, с. 110). Это также выводит из бесконечного повторения и скуки, создавая переживание времени (как последовательности дифференцированных аффектов, переживаемой сохраняющим свою неизменность Я): «...ведь все-таки будущее существовало – мне это открыл кинематограф» (Сартр, 2022, с. 114). Но эти переживания хрупки: «И как было обидно, когда вспыхивал свет! Я исходил любовью к этим героям, а они скрывались, унося свой мир с собой; я чувствовал их победу каждой клеткой своего существа, и все же это была их победа, а не моя – на улице я вновь обретал свою неприкаянность» (Сартр, 2022, с. 110). Дома мальчик пытается продлить и присвоить полученные опыты, он «делает кино» под музыку, воображая себя героем. Сюжеты навевают ассоциации с семейной обстановкой: герой заново рождается в потоках крови на поле боя (проработка травмы рождения), героически завоевывает девушку (мать) (Сартр, 2022, с. 100), спасает любимую женщину из плена (мать в плену у деда) (Сартр, 2022, с. 112), добивается торжества справедливости и посрамления предвзятых судей (требует признания себя в семье) (Сартр, 2022, с. 114), получает от высших сил миссию (мандат на существование) (Сартр, 2022, с. 116–117). Однако ему так и не удастся генерация фантазии желаемого, будущего состояния (Сартр, 2022, с. 112), и это касается как эмоциональных привязанностей, так и достижений, поэтому он вынужден вечно откладывать миг триумфа и переживания счастья, отказывая себе в разрядке и успокоении. Представляется, что основой этого симптома может быть перинатальный опыт, а именно дефект четвертой перинатальной матрицы по С. Грофу – неудачный рисунок завершения родов и окончательного освобождения: родившись, ребенок не получил триумфа и счастья, поэтому завершение борьбы, победа, ассоциируется у него не с обретением, а с потерей, и этот опыт далее должен либо толкать к бесконечному повторению в бесплодной попытке его переписать, либо всячески избегаться, вместе с ситуациями, подобными той, в которой он возник, то есть так или иначе связанными с победой.

В повседневности тоже происходят некоторые события, которые самим Сартром маркируются как важные.

Серьезный эпизод: в возрасте девяти лет происходит его сближение с матерью. «Первые годы войны были самыми счастливыми годами моего детства. Мы с матерью были ровесниками и не расставались. Она называла меня своим кавалером, своим маленьким мужчиной, я рассказывал ей обо всем. Больше, чем обо всем: литература, загнанная вглубь, обернулась болтовней, она рвалась наружу, я не умолкал, я описывал все, что видел и что Анн-Мари видела не хуже меня, – дома, деревья, людей; я приписывал себе всевозможные чувства ради удовольствия поделиться ими с ней, я превратился в трансформатор энергии, мир пользовался мной, чтоб стать словом. Начиналось с некоего лепета у меня в голове – кто-то говорил: "Я иду, я сажусь, я пью воду, я ем засахаренный миндаль". Я повторял вслух этот нескончаемый комментарий: "Я иду, мама, я пью воду,

я сажусь"» (Сартр, 2022, с. 188–189). То есть он получает наконец то, в чем младенец нуждался с самого начала – внимание матери к актам своей экспрессии. «Мы завели манеру оповещать друг друга в эпическом стиле о ничтожнейших событиях, случившихся с нами. Мы говорили о себе в третьем лице множественного числа. Мы ждали автобуса, он проезжал мимо, не останавливаясь, тогда один из нас возглашал: "Земля содрогнулась от их проклятий, посланных небесам", – и мы принимались хохотать» (Сартр, 2022, с. 189). Здесь сходятся вместе близнецовый перенос со стороны Анн-Мари – перепроживание ею своих детства и юности через сына, воспринимаемого как альтер эго, зеркальный перенос со стороны Жан-Поля – мать наконец-то подтверждает позитивным откликом реальность того, что происходит с ним, а также моменты слияния – он ощущает свое могущество и с опозданием в 9 лет получает компенсаторное переживание контроля над первичным объектом – контроля, гарантирующего, что объект будет исправно выполнять функции, жизненно необходимые психике ребенка («не многие дети могут одним взглядом заставить мать фыркнуть» (Сартр, 2022, с. 190)). При этом мать, отражая наконец эмоции сына, по-прежнему не в состоянии их контейнировать. Наоборот, она отдает ему свои: «...я поймал его маниакальный взгляд, и тотчас Анн-Мари и я стали одним существом – испуганной девушкой, отпрянувшей в сторону... Я ничего не знал о жизни плоти и не представлял себе, чего хочет от нас этот господин, но очевидность желания такова, что я, казалось, это понял, передо мной были как бы сорваны все покровы. Я ощутил его желание через Анн-Мари; через нее я научился чують самца, бояться его, ненавидеть» (Сартр, 2022, с. 190).

В десять лет и три месяца мальчик надолго оказывается в одном из многочисленных учебных заведений, которые он сменит за жизнь. Там он находит товарищей, и это наполняет его счастьем. Он идеализирует свое окружение, игры, коммуникации, дети в его описании предстают максимально искренними и добрыми; он желает слиться с ними, отбросить «семейную комедию», завоевать новую идентичность. Однако это счастье непрочно: «...надолго забыть о родителях нам никогда не удавалось – их невидимое присутствие быстро возвращало нас к групповому одиночеству» (Сартр, 2022, с. 193). Семейные системы, создавшие детям травмы, не позволяли им их залечить: «Вместе мы жили подлинной жизнью, но мы не могли отделаться от ощущения, что даны друг другу лишь взаймы, а на самом деле принадлежим каждый к особому, замкнутому коллективу, могущественному и примитивному, который выковывает свои собственные завораживающие мифы, питается самообманом и навязывает нам свой произвол» (Сартр, 2022, с. 193–194).

Несколько раз на протяжении книги Сартр с разными интонациями говорит о религии и собственной предрасположенности быть религиозным фанатиком: «Бог выручил бы меня из беды» (Сартр, 2022, с. 83–84); «время текло, и в бонтонном Боге, которого мне преподали, я не узнавал того, кого алкала моя душа: мне нужен был Творец, мне предлагали высокого покровителя» (Сартр, 2022, с. 84). «В моей душе, унавоженной

доверчивостью и унынием, семена веры дали бы отличные всходы; не случись недоразумения, о котором я говорю, быть бы мне монахом. Но моей семье коснулся медленный процесс дехристианизации... В хорошем обществе в Бога верили, чтобы о нем не говорить» (Сартр, 2022, с. 84–85).

С точки зрения демозовской теории групповой адаптации к ранней травме (Демоз, 2000, с. 120–121) мы трактуем это следующим образом. Сартр интуитивно ощущает, что его изначальная травма безопасности, как и последующий селф-объектный дефицит, могли бы быть компенсированы в коммуникации с фантазийным идеальным объектом, и эта коммуникация позволила бы создать и поддерживать прочное опосредованно грандиозное Я. Проблема в том, что он родился (точнее, сформировался) в «не свою» эпоху, когда соответствующая групповая фантазия была уже критически ослаблена. Обесценивания деда-протестанта, его активное высмеивание католической религиозной практики тоже препятствовали спасительному погружению в веру – так же как в минувшие века еретики мешали истинно верующим обрести надежную компенсацию своих травм.

Примечательно, что рассуждения Сартра о религии чрезвычайно звучны его же рассуждениям об Отце Репрессивном – об отсутствии которого он то сожалеет, то радуется. Это не случайно: оба института были в свое время созданы групповой динамикой в порядке адаптации к ранним травмам – причем именно таким травмам, какие достались ему. Такой Отец действительно мог бы дать ему взамен отсутствующей истинной индивидуальности «протезы» своих насильственно внедренных интроектов, и это бы действительно стабилизировало, компенсировало и дало бы возможность жить – может быть, не очень счастливо (и намного менее осознанно), но по крайней мере без столь выраженных страданий.

Таким образом, никакое событие физического мира – переживание политических страстей довоенных и военных, рождение нового вида искусства и сопричастность ему, внезапное сближение с матерью, школьное товарищество, посещение церкви – не дало Жан-Полю надежного переживания безопасности бытия и собственной подлинности и ценности. И поиск продолжался, шло напряженное сканирование мира – а может быть, в глубине души уже было смутное предощущение того, как это могло бы быть, и оно лишь ждало толчка, чтобы войти в сознание. И однажды толчок произошел: «...дед с высоты своего величия изрек приговор, который поразил меня в самое сердце: "А здесь кого-то не хватает. Я говорю о Симонно". Вырвавшись из объятий романистки, я забился в угол, окружающие исчезли для меня» (Сартр, 2022, с. 79). Так он получил инсайт о своей потребности быть нужным – и что высшая, совершенная форма нужности связана с несуществованием. Неважно, что Симонно – тщательно выбранный и аффилированный с дедом успешный коллега, неважно, что человек он малопрятный, дело вообще не в нем. А в том, что прямо на глазах Жан-Поля тот получил нечто невероятное – нерушимое право на существование, абсолютное и окончательное: «В центре многоголосого круга я увидел вдруг столп – то был господин Симонно... Стоило

произнести его имя – и в переполненный зал, точно нож, вонзилась пустота. Я был потрясен: оказывается, **человек может иметь свое собственное место**. Место, закрепленное за ним. Из бездны всеобщего ожидания, словно из невидимой утробы, он вновь рождается на свет» (Сартр, 2022, с. 79). Это, безусловно, не метафора, а хорошо вербализованное реальное переживание.

Примечательно – и в высшей степени характерно для шизоидной проблематики, являющейся в его случае ядром, – что подлинное, самое непреложное существование в мире мыслится духовным, незримым и трансцендентным, в форме одной лишь неутолимой нужды в тебе других людей – а не чего-то существующего или хотя бы потенциально возможного: «Телесное присутствие всегда расхолаживает. Беспорочный, сведенный к чистоте отрицательной величины, Симонно обладал несжимаемой кристалльностью бриллианта. И именно потому, что мне выпало на долю в каждую данную минуту находиться в определенном пункте земли, среди определенных людей и знать, что я здесь лишний, мне захотелось, чтобы всем другим людям во всех других пунктах земли меня не хватало, как воды, как хлеба, как воздуха» (Сартр, 2022, с. 79). Быть нужным, неотменимым и неуязвимым – в своем бестелесном, а потому безопасном несуществовании – постепенно становится для Сартра идефиксом.

Далее, направляя агрессию на себя (предвосхищая и предотвращая этим чужое обесценивание, которого он смертельно боится), Сартр пытается объявить свой опыт типическим, тривиализировать и свести к социальному: «Для буржуазного ребенка мгновения нескончаемы – они текут в бездействии. Я хотел быть атлантом немедля, испокон веку и навсегда, мне и в голову не приходило, что можно потрудиться, чтобы им стать» (Сартр, 2022, с. 80). В контексте знания об истинной природе и назначении взыскуемого переживания идея о «потрудиться, чтобы стать» выглядит иррелевантно до степени фантазмагии. Это переживание, с одной стороны, есть перинатальная память об уже совершенном подвиге, прохождении сквозь смерть и ад, знание, что ты *уже* являешься героем (который, в случае Сартра, к тому же НЕ получил свою награду – не был признан, встречен с восторгом, не получил лечения любовью полученных в сражении ран), с другой – оно есть необходимое условие способности к какому-либо труду и к самому существованию, так что должно быть выдано авансом, до всего.

Конечно, непосредственных знаний на этот счет у Сартра не было. Но была интуиция, не раз блестяще проявленная в ходе самоанализа, так что такое максимально ошибочное, максимально контрэмпатическое ее срабатывание вызывает подозрение – не намеренно ли это, не защищается ли автор от своего желания, своей нужды? Возможно, здесь он ошибся потому, что смертельно стыдится фундаментального человеческого запроса на безусловную, изначальную нужность, безусловное отражение в глазах матери, так как «истинное Я становится живой реальностью не иначе, как в результате многократно повторяющегося успеха матери в ее попытках встретить спонтанные движения младенца или его сенсорные галлюцинации» (Винникотт, 2006, с. 11).

Дальнейший поиск своего места, затем миссии приводит его к письму, а отчаянная борьба с дефицитами рационализируется как экзистенциальная максима «существование предшествует сущности».

Книги и чтение, а потом письмо заменяют Сартру религиозную компенсирующую фантазию: «Я обрел свою религию: книга стала мне казаться важнее всего на свете. В книжных полках я отныне видел храм. Внук служителя культа, я жил на крыше мира, на шестом этаже, на самой верхней ветви священного древа: его стволом была шахта лифта» (Сартр, 2022, с. 49). Книги дают: 1. Константность объекта, мира и собственного Я, стабильность и определенность (Сартр, 2022, с. 32, 38). 2. Эмоциональную пищу для проживания, которой не хватает в реальности (наряду с кинематографом и раньше него) (Сартр, 2022, с. 39, 46). 3. Силу, достоинство и смысл эмоций тех героев, с которыми Сартр может надежно идентифицироваться. Описанного героя никто не может отменить, в отличие от Жан-Поля (Сартр, 2022, с. 47). 4. Контроль над объектами, присвоение идеализированных объектов, как через фамильярное обращение с книгами, так и через раннее присвоение культурного наследия: мальчик бесцеремонно обращается с классиками (Сартр, 2022, с. 57–58).

При этом полностью избавиться от фальшивого Я не удавалось: «Уходить от взрослых в чтение – значило еще теснее общаться с ними; их не было рядом, но их вездесущий взгляд проникал в меня через затылок и выходил через зрачки, подсекая на уровне пола сто раз читанные ими фразы, которые я читал в первый раз. Выставленный на обозрение, я видел себя со стороны: я видел, как я читаю, подобно тому как люди слышат себя, когда говорят» (Сартр, 2022, с. 59–60). Когда потом Жан-Поль начинает тайком читать книги по возрасту, он испытывает счастье более интенсивно, но оно сопровождается стыдом за истинные аффекты (Сартр, 2022, с. 64). Тайна просуществовала очень недолго, дед показал свое разочарование, а стыд за свой литературный вкус остался с Сартром навсегда (Сартр, 2022, с. 150).

Качественный скачок происходит между семью и восемью годами, в момент, когда мальчик начинает писать. Сначала он просто пересказывает истории в картинках из детского журнала: как Сартр напишет позже, плагиат давал ощущение подлинности изображаемого («я ничего не выдумываю, значит, все чистая правда») и его надежности, гарантированной неотменимостью («я был издан заранее») (Сартр, 2022, с. 122–123). Взрослые, со своей стороны, пытаются использовать новый поворот семейной комедии в свою пользу: дед «сперва пришел в восторг, рассчитывая, как я полагаю, на некую хронику нашей семьи, полную пикантных наблюдений и восхитительных наивностей. Взяв мою тетрадь, он перелистал ее, поморщился и вышел из столовой, раздосадованный тем, что я "несу чушь", подражая своим бульварным любимцам» (Сартр, 2022, с. 124). Луиза довольна тишиной в доме, Анн-Мари отыгрывает через сына собственный инфантильный нарциссизм/эксгибиционизм в кохутовском смысле – «Ну почитай, папа! Это так забавно», – но быстро отрекается и от романов, и от сына, когда отец, как и в детстве, отказывается удовлетворить ее селф-объектный запрос (Сартр, 2022, с. 124–126).

Внезапно оставленный в покое, ребенок два месяца пишет «для собственного удовольствия» (Сартр, 2022, с. 127).

Продуктивность этого короткого периода поражает. От плагиата Жан-Поль переходит к созданию собственных сюжетов, в которых он инвертированно (в роли наблюдателя, спасателя, агрессора – не Я, а «объекта») прорабатывает травматический материал перинатала (фетальная драма, травма рождения) и младенчества (брошенность матерью, болезнь) (Сартр, 2022, с. 127, 131), входит в контакт с глубинной фантазией разрушительности и всемогущества (Сартр, 2022, с. 128), интенсивно пытается дифференцировать самый глубокий материал: психотический диффузный ужас, который на страницах его «романов» обретает форму «потустороннего» (Сартр, 2022, с. 129). Едва ли следует доверять его собственному объяснению, что чудовищные образы были им самим, и трактовать это как контакт с дефектным, неприемлемым Я нарцисса. «Спрут с огненными глазами, двадцатитонное членистоногое, гигантский говорящий паук» (Сартр, 2022, с. 129) – слишком характерный перинатальный символ, слишком хорошо соответствует изначальному негативному внутреннему объекту, являющемуся ядром как «плохого объекта, так и Суперэго» – Ядовитой Плаценте (Демоз, 2000, с. 341).

Ретроспективно он отмечает еще одну важную сторону происходящего: «публичный ребенок, я назначал себе частные свидания» (Сартр, 2022, с. 132) – и это не только «собрание» отражений через нарратив (о чем точно свидетельствует метафора зеркал), но и опыт установления границы. Это упоминание ухода из открытости для всех, переживаемого как счастье, говорит о том, что среди факторов, не позволявших ему формировать ощущение «себя», кроме дефицита откликов было также давление взрослых, вторгавшихся в его внутреннее пространство и вытеснявших оттуда его самого.

Однако затем ребенка вновь конфискуют у него самого – и сарказм, с которым Сартр это описывает, свидетельствует о понимании катастрофичности потери: «Долго продолжаться так не могло, это было бы слишком прекрасно: в подполье я сохранил бы искренность» (Сартр, 2022, с. 132). Взрослые, узнав, что двоюродным братьям Жан-Поля уже назначено быть инженерами, воспринимают это как нарциссический вызов и спешно принимают решение о дальнейшей миссии ребенка. Мать строит через сына волнующую перспективу собственной жизни («Мой малыш будет писать!») (Сартр, 2022, с. 133)), дед использует увлечение внука как свой нарциссический атрибут (Сартр, 2022, с. 133). Однако вскоре Карл начинает отнимать у внука то, что сначала позволил, – якобы потому, что брезгует такой формой заработка, как писательство (Сартр, 2022, с. 134). Карл втирается в доверие, а затем проводит пошаговое разрушение образа желаемого будущего и внушает, программирует мальчика на тотальный жизненный неуспех – на полное отсутствие удовольствия от процесса и на ничтожность предстоящих достижений (Сартр, 2022, с. 135). Утверждение, что в им движет беспокойство за социализацию и будущее финансовое благополучие внука, выглядит совершенно несостоятельно:

во-первых, выбирать профессию прямо сейчас нет никакой нужды – внук еще не получил даже начального образования, а во-вторых и в-главных – до сих пор ни социализацией внука, ни его образованием он абсолютно не был озабочен, как не озаботится этим и в дальнейшем.

Сартр пишет: «Карл огласил мое призвание, чтобы, воспользовавшись удобным случаем, отбить у меня к нему охоту. Дед отнюдь не был циником, но он старел; собственные восторги утомляли его...» (Сартр, 2022, с. 133–134). То есть мотивы деда – это удовлетворение буржуазной снесьи и желание покоя. Однако с психоаналитической позиции его действия снова выглядят как проявление нарциссической зависти: Карл, человек с «ледяной пустыней» в душе (Сартр, 2022, с. 133), позавидовал тому, что внук внутри жив, что с помощью своего ненастоящего писательства проживает настоящие чувства (которых у него самого нет), из-за чего ощутил жгучее желание разрушить это ценное, но не принадлежащее ему. Попутно была решена еще одна важная для нарциссической личности задача: внедрить во внука, отдать ему собственное глубинное ощущение пустоты и мертвенности жизни.

Сартр до старости горько переживает этот момент фатального искажения его выбора: «Карл вывернул меня, как перчатку»; «я считал, что пишу, чтобы закрепить свои грезы, а выходило, если ему верить, что я и грезил-то только для того, чтобы упражнять перо, – мой талант пускался на уловки, страшал меня, тревожил и все ради того, чтобы я каждый день испытывал желание сесть за пюпитр...» (Сартр, 2022, с. 136, 137). Он задается вопросом, как такое могло произойти – и отвечает: на этот раз Карл обратился к нему не из роли фальшивого любящего деда, а из состояния: а) намного более свойственного ему в повседневности, в котором он виделся внуку «настоящим», б) пугающего и подавляющего. Это состояние можно описать как психотически грандиозное Я, в котором субъект полубессознательно идентифицируется с Богом. Иначе говоря, дед в мегаломаниакальном трансе запугал, подавил и продавил внука безумной холодной уверенностью в своем величии.

Он также отмечает еще два элемента, способствовавших принятию им дедовских внушений: «Подобно всем витающим в облаках, я принял падение с небес на землю за открытие истины» (Сартр, 2022, с. 137); «...я раз и навсегда буду знать, что ответить контролерам, когда с меня потребуют билет...» (Сартр, 2022, с. 138). «Разве я прислушивался бы к голосу деда, к этой механической записи, которая внезапно пробуждает меня и гонит к столу, если б то не был мой собственный голос, если бы между восемью и десятью годами, смиренно вняв мнимому наказу, я не возомнил в гордыне своей, что это дело моей жизни?» (Сартр, 2022, с. 142). С психоаналитической позиции мы трактуем этот пассаж следующим образом:

1) В результате перехода деда от фальшивой любви к реальной холодности, а также из-за того, что переживание обесцененности от дедовского внушения, срезонировав с глубинным ощущением «дефектного Я», послужило его дифференциации, Жан-Поль получил некоторое восполнение дефицита ощущения реальности себя и окружающего мира.

2) Психика, отчаянно нуждавшаяся в мандате на существование, восприняла дедовское запугивание тяготами предстоящего писательского бытия как благословение на это бытие, как долгожданное дарование места в мире.

От грандиозной стабилизирующей фантазии пришлось отказаться: «Главное, мне пришлось отречься от самого себя. Два месяца назад я был бретером, силачом – конец всему! От меня требовали, чтобы я сделал выбор между Корнелем и Пардальяном. Я отверг Пардальяна, свою истинную любовь; смиренно отдал предпочтение Корнелю... Я поверил в свою одаренность из покорности судьбе – в кабинете Шарля Швейцера среди растрепанных, разрозненных, испещренных помарками книг талант был начисто **обесценен**» (Сартр, 2022, с. 139). Ребенку остается исполнить волю деда – стать замученным и несчастным писателем, не ощущающим ни радости от процесса, ни триумфа от результата: «И сейчас еще в минуты дурного настроения меня мучает мысль: не убил ли я столько дней и ночей, не извел ли кипы бумаги, не выбросил ли на рынок кучу никому не нужных книг в единственной и нелепой надежде угодить деду» (Сартр, 2022, с. 141). Писать легко, с удовольствием – равно как и вовсе не писать – для него невозможно, дед заповедал мучиться каждый день: «Мои заповеди вшиты мне под кожу: не пишу день – рубцы горят, пишу слишком легко – тоже горят» (Сартр, 2022, с. 142). Свою гипертонию, которая в итоге разрушит его здоровье, он связывает с перенапряжением, возникающим из-за этого писания наперекор себе (Сартр, 2022, с. 142) – и мы добавим: наперекор своей душе.

Таким образом, дед лишил внука суверенной власти над своим Внутренним и контроля над Внешним. Побочным эффектом стало то, что Я и мир стали более реальными – хотя при этом не имеющими аффективной ценности. Такое бытие истощает, поэтому не может продолжаться долго: следует либо гибель, либо, чаще всего, новая попытка эту ценность придумать, вернуться в грандиозность или найти объект для эмоциональной связи – тем или иным способом.

Это состояние ярко выразилось в повторяющемся сновидении того периода – о страхе потери сакральной фигуры, в которой объединено все: собственная душа (самость, self), идеальный объект (способный дать ту самую, невозможную, любовь), универсальный селф-объект (средством нарциссических переносов с которым селф контактирует со всеми структурами психики и создает их единство) – соотносимый с юнговским архетипом анимы: «...меня влек героический эпос. Теперь, когда мою шпагу переломили, а меня лишили дворянских прав, я часто видел по ночам один и тот же тоскливый сон: я в Люксембургском саду, около бассейна, против сената; я должен защитить от неведомой опасности белокурую девочку, которая похожа на Веве, умершую год назад... А мне страшно: я боюсь уступить ее незримому врагу. И как я люблю ее! Какой отчаянной любовью! Я люблю ее и сегодня, я ее искал, терял, обретал, держал в своих объятиях, снова терял – это эпопея» (Сартр, 2022, с. 144–145).

И психика предпринимает спасительную уловку: «В восемь лет, в тот самый момент, когда я смирился, все во мне восстало; чтобы спасти эту маленькую покойницу, я предпринял простую и бредовую операцию, перевернувшую мою жизнь: я передал писателю священные полномочия героя» (Сартр, 2022, с. 145). «Толпа» (воображаемые читатели) становится искомым объектом (Сартр, 2022, с. 146). Мальчик придумывает, что люди по миру его ждут, о нем мечтают, его любят – любят в единственно доступной его переживанию форме, в форме отчаянной нужды. Отчасти это проекция собственной смертной тоски по объекту (а также смешение с ним в нарциссическом переносе), отчасти – потребность в безопасности, надежности этой связи («от меня зависят – меня не бросят»), отчасти – тот посыл, который, по его утверждению, был направлен на него взрослыми в начале жизни (хотя это представление, в свете вышеизложенного, может быть и чистой ретроспективной фантазией).

Вместо «выдуманного ребенка», влачившего свое существование в удушающей семье, в бессознательной перинатальной фантазии возникает новый младенец, рождаемый волшебной силой этой любви-в-форме-нужды, – изначальный герой, претерпевающий космическую битву, чтобы явить себя ждущему его миру: «Явившись на свет незванным, я приложил все усилия, чтобы родиться заново» (Сартр, 2022, с. 147). Значит, писательством он начинает заниматься в неосознанной попытке произвести этот перезапуск своего рождения. Однако это не терапия, как предполагает Бартосяк. То, что можно назвать терапией, длилось недолго, затем у неоднократно обворованного ребенка в очередной раз забрали найденное им «лекарство» (возможность переживать в письме свои эмоции, писать вдохновенно) и вынудили жить без него. Теперь это лишь поддержание фантазии о возможности магически «родиться в духе» (то есть в книге), которая только подпитывает его психику своим существованием, но в принципе не может быть реализована.

Изначально Жан-Полю хотелось быть авантюристом, а не интеллигентом (Сартр, 2022, с. 150–151), и в этом вопросе он идет с реальностью (и дедом) на компромисс, но не капитулирует. Вместо рыцарских подвигов он устремляется мечтой не к скромному труженику пера с посредственными способностями, как внушал ему дед, а к образу писателя-мученика (Сартр, 2022, с. 154). Если невозможно получить право на любовь через героизм, нужно получить его через мазохизм. Если невозможно реализовать агрессию вовне – нужно реализовать ее внутрь. Идея писательства-миссии, которая удачно встала на место отсутствующей религии, обогатилась еще одной характерной религиозной краской (хотя ему и раньше доводилось получать иллюзию контроля над ситуацией через мазохистские упражнения: в церкви (Сартр, 2022, с. 20), в школе (Сартр, 2022, с. 68)). Как минимум до двадцати лет он верит, «что искусство – явление метафизическое и что от каждого произведения зависит судьба вселенной» (Сартр, 2022, с. 155), а себя считает клириком от литературы. Он спасает толпу – потому что сам отчаянно нуждается в спасении и жаждет получить должников, чтобы его любили: «...сквозь эти выдумки ясно проглядывает мое сомнение в собственном праве на жизнь» (Сартр, 2022,

с. 157). Совершенно не случайно в этих мечтах признание он получает только после смерти. Любовь, финальная регрессия, слияние с идеальным объектом, гарантия от обесценивания, защита от любых негативных переживаний, включая переживание своей ничтожности, – все сходится в этой великой мечте о писательстве и посмертном признании: «Я жаждал смерти больше, чем эпопеи, больше, чем мученичества» (Сартр, 2022, с. 167). С психоаналитической точки зрения, девятилетний мальчик грезит о возвращении в начало, в до-жизнь, о слиянии там с бесконечной любовью и перезапуске в Жизнь Истинную/Вечную: «Году в 1955 лопнет кокон, из него вылетят двадцать пять бабочек *infolio* и, трепеща всеми страницами, усядутся на полку Национальной библиотеки. Эти бабочки и будут моим "я"... Я воскресаю, **я наконец становлюсь полноценным человеком...**» (Сартр, 2022, с. 168).

Дальнейшее существование с этой мечтой было изнурительным: в детстве Жан-Поль вынужден был «безостановочно направлять знамения», непонятные ему самому (Сартр, 2022, с. 177), чтобы соответствовать канону мученика, а затем всю оставшуюся жизнь, не замечая, воплощать это мученичество физически. Он вновь лишился права собственности на себя самого, с той лишь разницей, что теперь им завладели не родные, а миссия (Сартр, 2022, с. 178). Надеясь превратиться в собственный некролог (Сартр, 2022, с. 179), который уж точно будет обладать цельностью и нетленностью, Жан-Поль так и не получает возможности познакомиться с собой: «Неприкосновенный, засургученный мандат был сокрыт во мне, но принадлежал мне столь мало, что я не мог ни на мгновение усомниться в нем, не в моей власти было отвергнуть или принять его» (Сартр, 2022, с. 180). «Слова» заканчиваются на этой ноте: интуитивным знанием о существовании самости и ее недоступности для переживания. Фактически это история жизненного провала: сфокусировать переживание своего Я, ощутить себя полноценным и наполненным так и не получилось.

Влияние на современников

Чтобы понять, какое воздействие могли произвести «Слова» на современников, обратимся к автору концепции «нарциссической культуры». Одноименная книга написана 15 лет спустя после «Слов» на материале европейской и американской культуры, и ее автор прежде всего констатирует, что количество людей, обращающихся с середины 40-х годов к специалистам с проблемами нарциссического спектра, стремительно растет (Lasch, 1991, p. 42).

Проследившая развитие капитализма от XVIII века до 60-х годов XX столетия и формирование различных типов личности, в наибольшей степени отвечающих вызову времени, Лэш переходит к своим современникам, перечисляя все характерные особенности нарциссически организации. «Новый нарцисс» преследуем не виной, а тревогой, озабочен поиском смысла жизни, яростно конкурирует за одобрение и признание, хотя подозрительно относится к честной конкуренции (Lasch, 1991), не чувствует связи с прошлым (Lasch, 1991), отличается хрупкой

самостью и озабочен состоянием своего психического здоровья (*Lasch*, 1991, р. 5–6), обладает монструозным, садистическим Суперэго, так как родитель для него изначально не авторитет и не фигура для слияния и подражания, но примитивная и пугающая сила (*Lasch*, 1991, р. 12), мало и плохо понимает себя, несмотря на бесконечную рефлексию, и склонен включаться в левый дискурс, который служит убежищем от ужасов внутренней жизни (*Lasch*, 1991, р. 15). Он стремится к успеху, безразлично, в какой области (*Lasch*, 1991, р. 46), желает быть всегда молодым и жить вечно, панически боится старости (*Lasch*, 1991, р. 200). В середине 60-х растет взаимопроникновение художественной литературы, журналистики и автобиографии, причем «вместо того чтобы беллетризовать личный материал или как-то по-мудрому упорядочить его, они взяли верх над негодованием, оставив его непереваренным, предоставив читателю прийти к собственным интерпретациям» (*Lasch*, 1991, р. 17)¹⁹, так что критическое размышление над своими амбициями и проработка вырождаются в «болтливый монолог» и спекуляцию на своей популярности или самопародию, которая призвана обезоружить критиков, так как критики нарцисс боится. В лучшем случае, то есть в случае честной исповеди, читатель сталкивается с описанием духовного опустошения «нашего времени» (*Lasch*, 1991, р. 19), неподлинности (*Lasch*, 1991, р. 24) и «обезболиванием» какой-то части себя (*Lasch*, 1991, р. 25). Лэш ответственно суживает понятие «нарциссизм» до его психоаналитической традиции, чтобы не впасть в морализаторство: он осознает, что в нарциссизме гораздо больше ненависти к себе, чем самолюбования (*Lasch*, 1991, р. 31), а сами нарциссические защиты строятся против агрессивных импульсов, которые пронизывают социальные коммуникации (*Lasch*, 1991, р. 32).

Точность феноменологического описания не подкрепляется у Лэша столь же точной объяснительной теорией. Его теоретическая база эклектична: он фрагментарно упоминает идеи разноплановых психоаналитических школ (Фрейд, Кляйн, Кернберг, Кохут), не выводя из них какого-то общего видения (и порой демонстрируя превратное понимание тех или иных концепций – например, что, по Кохуту, якобы связь младенца с матерью опирается на оптимальные фрустрации (*Lasch*, 1991, р. 171)). Лэш трактует генезис и динамику описываемых явлений с позиций в конечном счете социологических (точнее, дюркгеймианских): в его оптике первично общество (имманентно воспринимаемое как субъект целенаправленного действия), формирующее психическую структуру своих членов через прививание им тех норм, которые соответствуют его, общества, надындивидуальным потребностям (*Lasch*, 1991, р. 33, 34).

Причины, провоцирующие изменения психической организации, понимаются Лэшем из рамки его собственной дисциплины. Как добросовестный историк, он говорит о «затемнении социальных истоков страданий» (*Lasch*, 1991, р. 30), в частности о возрастании опасностей и неопределенности, потере уверенности в будущем, которые охватывают теперь

¹⁹ «Instead of fictionalizing personal material or other wisere ordering it, they have taken top resenting it undigested, leaving the reader to arrive a this own interpretations».

не только низы общества, но и средний класс (*Lasch*, 1991, p. 27), бюрократизации социальной жизни (которая провоцирует сосредоточенность на видимости работы, а не на производительном труде) и рационализации внутренней жизни (которая лишает человека интуитивной уверенности в своих выборах), культе потребления (ориентирующем на мгновенное удовлетворение потребностей) (*Lasch*, 1991, p. 32). Все это вместе способствует усилению нарциссических черт в человеке, которые потом передаются детям через воспитание. По Лэшу, именно нарциссическая мать воспитывает нарциссического ребенка: «Постоянное, но на удивление поверхностное внимание нарциссической матери к своему ребенку на каждом шагу нарушает механизм оптимальной фрустрации» (*Lasch*, 1991, p. 171)²⁰. Именно отсутствие последовательных форм контроля и неуверенность родителя в своей компетентности автор считает причиной развития нарциссизма.

Новые для своего времени воспитательные стратегии остаются непонятыми Лэшем. Не уточняя, какой возраст имеется в виду, упрекая «помогающие профессии» за присвоение методов воспитания детей, автор пишет: «Кульм подлинности отражает крах родительского руководства и дает ему моральное оправдание. Он подтверждает и облекает в форму эмоционального освобождения беспомощность родителей в том, что касается наставления ребенка о том, как устроен мир, или передачи этических предписаний» (*Lasch*, 1991, p. 166–167)²¹. Местами даже трудно понять, что именно изменило, по мнению автора, «качество связи между родителями и детьми» – просто сумма социальных факторов, включающая развитие СМИ, демократизацию общества, усложнение средств контроля за гражданами, или конкретный социальный институт (образование, здравоохранение, помогающие профессии). Например, он пишет: «...ухудшение качества ухода за детьми... происходит уже давно, и многие из <...> последствий кажутся необратимыми. Первым шагом в этом процессе, уже предпринятом в некоторых обществах в конце XVIII века, стала сегрегация детей от мира взрослых...» (*Lasch*, 1991, p. 169)²². Если

²⁰ «The narcissistic mother's incessant yet curiously perfunctory attentions to her child interfere at every point with the mechanism of optimal frustration».

²¹ «The cult of authenticity reflects the collapse of parental guidance and provides it with a moral justification. It confirms, and clothes in the jargon of emotional liberation, the parent's helplessness to instruct the child in the ways of the world or to transmit ethical precepts».

²² «It is too late, however, to call for a revival of the patriarchal family or even of the "companionate" family that replaced it. The "transfer of functions", as it is known in the antiseptic jargon of the social sciences – in reality, the deterioration of child care – has been at work for a long time, and many of its consequences appear to be irreversible. The first step in the process, already taken in some societies in the late eighteenth century, was the segregation of children from the adult world, partly as a deliberate policy, partly as the unavoidable result of the withdrawal of many work processes from the home. As the industrial system monopolized production, work became less and less visible to the child. Fathers could no longer bring their work home or teach children the skills that went into it. At a later stage in this alienation of labor, management's monopolization of technical skills, followed at an even later stage by the socialization of childrearing techniques, left parents with little but love to transmit to their offspring; and love without discipline is not enough to assure the generational continuity on which every culture depends».

вспомнить, что в XVIII веке только и рождаются дисциплинарные институты, проникающие затем в массы (о чем свидетельствуют, например, не только изыскания философа М. Фуко, но и исследования «собрата по дисциплине», то есть историка, Л. Демоза, занимавшегося непосредственно эволюцией педагогических стилей), совершенно непонятно, почему Лэш видит «падение контроля» над детьми на этом временном рубеже.

В свете сказанного мы принимаем описательную часть работы Лэша, но не принимаем объяснительную. Здесь мы исходим из:

– психоаналитической парадигмы: индивидуальное предшествует групповому, формирует и направляет его;

– позиции школы интерсубъективного анализа: явления, относимые к расстройствам личности, рассматриваются как сложно интерферирующие между собой попытки фундаментально травмированного/дефицитного Я сохранить себя и/или обезопасить от повтора травмы и/или возобновить прерванное развитие доступными ему примитивными средствами и опираясь на ранее сложившиеся защитные паттерны;

– психоисторической концепции Демоза о групповых психических защитах, о массовых декомпенсациях при их разрушении и об эволюционной смене типов родительско-детских отношений, порождающих такие разрушения.

С этой позиции вспышка в развитых сообществах патологии пограничного и нарциссического спектра во второй половине XX века видится нам следствием фундаментального переворота в групповой психической динамике – очередной смены «исторической групповой фантазии» (воплощенной в общественных институтах и отыгрываемой в общественных практиках системы представлений, которая призвана наиболее комфортным образом объяснять мир, жизнь и неосознаваемые ранние травмы, дифференцируя и компенсируя их) (Демоз, 2000, с. 225). В ходе перманентной борьбы «психоклассов» (подгрупп, воспитанных в разных моделях родительско-детских отношений) (Демоз, 2000, с. 8), имеющих разные травмы и нуждающихся для их компенсации в разном устройстве общества («конфликт психоклассов») (Демоз, 2000, с. 183), фантазия капитализма и национального государства была замещена фантазией общества потребления, «эротического материализма» (Демоз, 2000, с. 232), которая удовлетворяла психоадаптационные потребности новой части популяции, сформированной в наиболее продвинутой модели родительско-детских отношений («социализирующий психогенный педагогический стиль») (Демоз, 2000, с. 85) – и напротив, лишила групповых психических защит ту часть, что была воспитана в моделях более старых. В ходе этой революции были разрушены или критически ослаблены:

– групповые фантазии расовых, национальных и классовых границ – имитировавшие безопасное внутриутробное пространство;

– фантазия репрессивного контроля, которая давала «навязывающему» психоклассу переживание себя контролирующим, «амбивалентному» – надежду заслужить любовь подчинением, поддерживала мазохистический отказ «бросающего» психокласса от жизненной экспрессии во имя

слияния с идеальным небесным родителем, служила точкой определенности в хаотическом мироздании «инфантицидному» психоклассу и защищала всех их вместе от кары архаического, восходящего к фетальному опыту, Суперэго за удовлетворение потребностей и утверждение себя.

Еще раньше, при предыдущих сменах исторических групповых фантазий, были таким же образом потеряны другие важные адаптационные механизмы:

- фантазия Великого Отца – защищавшая «амбивалентный» психокласс от переживания ненадежности амбивалентной матери, «бросающий» – от переживания брошенности, а «инфантицидный» – от переживания матери убивающей;

- фантазия Всеобщей Семьи – компенсировавшая переживание брошенности (воплощенная в имитирующих семью общественных институтах – феодальных и религиозных иерархиях, орденах, цехах и братствах, культе святых и Матери Небесной);

- из религиозного культа были исключены элементы магии и грубого, вещественного символизма, позволявшие «бросающему» и «инфантицидному» психоклассам отыгрывать фетальный травматический опыт (Романчук, 2022, с. 31).

Фантазийные идеальные фигуры, реифицированные в общественных институтах (суверен, религия, нация, демократия и пр.), подвергшиеся деконструкции в XX веке, выполняли также роль суррогатных селф-объектов – фантазийная коммуникация с ними отчасти компенсировала дефицит соответствующих функций в реальном интересубъективном окружении участников группы, помогая как формированию психики в детстве, так и ее поддержанию во взрослой жизни. Признаки краха веры в эти идеализированные сущности отмечают и Сартр, и Лэш. Обязанность быть объектом идеализации и слияния, поставщиком зеркальных откликов и жизненных ориентиров, необходимым формирующейся детской психике, целиком легла на родителя (чаще на мать) просто в силу отсутствия других вариантов, так что «виноват» в этом отнюдь не навязанный обывателю психотерапевтический дискурс, как полагает Лэш. *Педагогические стратегии, ставшие ориентиром для широких масс во второй половине XX века, объективно были самыми гуманными и наименее травмирующими в истории, но личной психической зрелостью, позволяющей их полноценно реализовать, обладала лишь небольшая часть этих масс, а групповые защитные механизмы больше не исправляли, не компенсировали родительских дисфункций и ошибок.*

В «Словах» Сартру удалось принять и распознать переживания одиночества, фрустрации, внутренней пустоты и ущербности, а также выразить литературными средствами те неясные душевные «вибрации», которые так и не дошли до формы эмоционального переживания (мы помним, что он отрицал в себе все виды недовольства, зависти, обиды и пр., но демонстрировал их, описывая состояния мальчика Жан-Поля). Он предьявил читателям компенсаторные фантазии могущества и бессмертия, честно рассказал о безуспешности своих попыток их контролировать

(как и вообще что-либо в себе изменить) и, при всей едкости самокритики (защитная идентификация с Суперэго), все-таки смог выдержать это признание в дефектности, то есть показал пример совладания с нарциссическим стыдом.

В итоге можно сказать, что компенсаторная мечта Сартра, а именно самому стать тем идеальным объектом, в котором он отчаянно нуждался, то есть гением, выполняющим миссию по спасению человечества, в определенном смысле сбылась, и это (парадоксально, но совершенно закономерно) ему ничего не дало. Для широких масс он стал селф-объектом, помогающим назвать свои страдания по имени, интегрировать их, осмыслить и разделить – но его самого это не спасло и не излечило.

Результаты

Что же послужило резонатором для «сартромании» в 60-е годы XX века, если трагическая попытка собрать себя в нарративе и оправдать свою жизнь в роли писателя-мученика провалились? Мы считаем, что интуитивный ответ был дан самим Сартром в поздних интервью: «Я принадлежу к тому периоду, когда личное творчество не было в почете по крайней мере у таких буржуа и мелкобуржуазных людей, как мой дед и люди из моего окружения. Поэтому никто не писал личных вещей» (*De Beauvoir*, 1984, p. 148–149)²³. Эти «личные вещи», кого-то болезненно шокирующие, не имели под собой цели травматизации, как считают Гасилин и Гамильтон. Не были они ни вызывающе натуралистичными, ни революционными в аспекте социальной критики. Опираясь на анализ текста «Слов», мы делаем вывод, что Сартру удалось:

– получить доступ к своим протестным эмоциям, направленным на внешне благополучные условия своего становления. Мы расходимся с позицией Шуриновой, объединяющей биографию Сартра с биографией Августина и разъединяющей ее с традицией Руссо: у этих работ совершенно разный пафос. С психоаналитической точки зрения, Августин предьявляет читателю процесс оплакивания, горевания (друзей, возлюбленных, собственной греховной природы), Руссо – эмоцию умиления, он питается перепроживанием своего детства, а Сартр – гнев, униженность, оскорбленность человека, которого лишили самости;

– провести убедительную параллель между своим писательским вектором и потерей групповой фантазии (а именно утратившей силу религии). Мысль Шарма о том, что Сартр пишет религиозную автобиографию, в нашей версии претерпевает изменение: Жан-Поль высмеивает свою героическую инициацию, чего как будто не чувствует Шарм, зато он точно указывает на свой способ адаптации и замену недостижимого идеального объекта (Царства Божия) посмертной славой его литературных произведений, а затем и его занятиями политикой. Нам представляется, что это

²³ «I belong to a period in which personal writing was held in low esteem, at least by the bourgeois and petit-bourgeois like my grandfather and the people around me. So one did not write personal things».

ценное замечание в секулярном послевоенном дискурсе, и оно действительно является «личной вещью», о которой неприлично (стыдно) говорить (как и о любых бессознательных процессах, направляющих рационально обоснованные выборы);

– продемонстрировать современникам, не рефлексировав над этим, серьезность травм и дефицитов, никак не связанных, что немаловажно, со Второй мировой войной. С одной стороны, Сартр социально успешен, то есть «Слова» нельзя считать нытьем неудачника. С другой стороны, в его нарративе травмы детства превосходят или сравнимы с его переживаниями зрелого возраста (например, он проводит аналогии между ощущением от визита в кинематограф и пребыванием в лагере военнопленных – Сартр, 2022, с. 107). Таким образом, автор самой практикой вспоминания детства показывает, что социальная успешность не компенсирует того, что осталось в прошлом непроработанным и неоплаканным.

Опираясь на анализ автобиографии Сартра, мы установили, что родительская семья Жан-Поля отличалась спутанностью ролей, дисфункциональностью. Родительскими фигурами были дед и бабушка Сартра, и оба были отчетливо нарциссичны. При этом ни они, ни настоящая мать с психологическими родительскими функциями (отражения, контейнирования) не справлялись. Мальчик обслуживал селф-объектные запросы взрослых, его же собственные аналогичные потребности оставались без внимания и удовлетворения.

По анамнезу и защитным паттернам, используемым как ребенком, так и взрослым Жан-Полем Сартром, мы можем сказать, что он был личностью с комплексной проблематикой, организованной преимущественно нарциссически.

Попытка восполнить дефициты Эго и внутренних объектов при помощи фантазий, инициированных книгами и кинематографом, принесла определенный успех, но в ситуации длительной социальной изоляции и нахождения вне подходящей групповой фантазии (дехристианизация семьи) этого было недостаточно.

Компенсация ощущения дефектности Эго при помощи литературного творчества, которое понимается как квазирелигиозная миссия, проваливается, но явленный в «Словах» пример интроспекции, концептуализации фрустрационных и протестных эмоций, травм и дефицитов детства становится для современников смысловым пространством, в котором их собственный проблемный материал сходного регистра, до сих пор остававшийся неосознаваемым и бесформенным, обретает смысл, значимость, место в схеме мироздания, а также отчасти контейнируется и компенсируется.

Мы убедились в наличии корреляции между структурой личности Ж.-П. Сартра (через ее репрезентацию в автобиографической работе «Слова») и групповой динамикой западного общества 60-х годов XX века. Такая корреляция в значительной степени повлияла на взлет популярности Сартра в послевоенный период.

Обсуждение результатов

Те или другие аспекты наших выводов отражались в работах других специалистов. Так, Хауэлс, комментируя Д. Коллинз, выражает сомнение в успешности стратегий адаптации Сартра-нарцисса: «Нарциссизм Сартра рассматривается как центробежный и позитивный, экспансивный нарциссизм человека, который ощущает себя свободным. Такое прочтение неизбежно преуменьшает иронический подтекст "Слов" ...» (*Howells*, 1996, p. 24)²⁴. Отмечались характерные свойства нарциссической структуры личности: обманчивая «обольстительность» «Слов» (даются обещания, которые не будут выполнены), отрицание вины и агрессии (*Hamilton*, 2021). Мы думаем, что эти авторы согласились бы с нашим анализом автора как дефицитарного нарцисса.

Связь нарциссической проблематики (личности и послевоенных поколений в целом) с десакрализацией отмечает Шарм: «...озабоченность проблемой личной идентичности в современном мире отражает демифологизацию религиозной космогонии в сочетании с ремифологизацией собственной жизни» (*Charmé*, 1982, p. 571–572)²⁵.

Про тривиальность политических суждений, но успешный практический пример открытости Сартра говорит Крозье: «Отсюда его быстрый и неожиданный успех... Это был вопрос не только большей свободы в личном поведении... но и отказа от дистанций и ограничений... более спонтанного способа общения между полами и между социальными группами... На уровне структур Сартр выносил черно-белые суждения, от которых он больше, чем кто-либо другой, отказывался на индивидуальном уровне» (*Crozier*, 1964, p. 527)²⁶. То есть Крозье, как и мы, считает, что Сартр смог показать гораздо больше, чем осмыслить, и его герои, предъявляющие пустотность своего дефектного Эго, представляют интерес для современников, хотя не предлагают никакого выхода или истории успеха: «...Новый роман представляет читателю своего рода пустого героя, которому так и не удастся существовать...» (*Crozier*, 1964, p. 538)²⁷.

²⁴ «Sartre's narcissism is seen as centrifugal and positive, the expansive narcissism of a man who experiences himself as free. Such a reading necessarily plays down the ironic implications of *Les Mots*, and takes Sartre's professions of freedom at their word».

²⁵ «More simply, the obsessive concern with the issue of personal identity in the modern world reflects a demythologizing of religious cosmogony in tandem with a remythologizing of the life of the self».

²⁶ «Hence its rapid and unexpected success, not only in Paris but throughout France and even Europe. It was not only a question of greater freedom in personal behavior more apparent than real but of the negation of distances and of constraints, of a new liberty in human relations, of a more spontaneous mode of communication between the sexes and among social groups... On the level of structures, Sartre made the black and white judgments that he more than anyone eliminated on the individual level».

²⁷ «The new novel presents the reader with a sort of blank hero who never succeeds in existing. In a way he follows the existentialist pattern, the disintegration of the traditional rational personality, but he carries it so far that he offers a caricature or a criticism of it through absurdity. The existentialist found sense in commitment and in history. The chosistes go to the extreme, there is no sense at all... The chosiste says, "I have searched, but in spite of my extraordinary thoroughness, I have nothing to bring back"».

Наконец, страстное желание найти подлинную самость, которую мы считаем главным мотивом написания автобиографии, когда Сартр уже практически разуверился в литературе, чувствуется Скривеном, он считает именно эту интенцию основой популярности автора: «Эта готовность к самокритике, это стремление искать новые способы интерпретации мира, этот отказ считать статус-кво неизменным, эта стойкая убежденность в том, что самообновление и самосовершенствование – это всегда человеческая возможность, как мне кажется, лежат в основе продолжающегося очарования и актуальности жизни и творчества Сартра» (*Scriven*, 1999, p. 186–187)²⁸.

Заключение

Проведенный анализ «Слов» Ж.-П. Сартра подкрепил наше предположение о том, что данное автобиографическое произведение выполнило селф-объектную функцию для его читателей-современников, чем, скорее всего, и объясняется феномен «сартрианы» в западном обществе 60-х годов XX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев Л. Г. Жан-Поль Сартр. Свободное сознание и XX век. М.: Гелеос, 2004. 416 с.
2. Барт Р. Смерть автора // Р. Барт. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 384–391.
3. Бонецкая Н. К. Подражание Чаадаеву: письмо пятое // Научный электронный журнал. Философические письма. Русско-европейский диалог. 2020. Т. 3. № 3. С. 109–138.
4. Винникотт Д. В. Искажение Эго в терминах истинного и ложного Я // Московский психотерапевтический журнал. 2006. № 1. С. 5–19.
5. Винникотт Д. В. Маленькие дети и их матери. М.: Класс, 1998. 80 с.
6. Гантрип Г. Шизоидные явления, объектные отношения и самость. М.: Издательство Института общегуманитарных исследований, 2010. 672 с.
7. Гасилин А. Образ отца-насильника у Сартра и де Сада // Филология: научные исследования. 2017. № 2. С. 58–69.
8. Демоз Л. Психоистория. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. 512 с.
9. Джонсон С.М. Психотерапия характера. М.: Издательство Института общегуманитарных исследований, 2015. 352 с.
10. Дильтей В. Описательная психология. СПб.: Алетейя, 1996. 160 с.

²⁸ «This willingness to engage in self-criticism, this commitment to seek out new ways of interpreting the world, this refusal to envisage the status quo as unchangeable, this resilient conviction that self-renewal and self-improvement are always a human possibility, would appear to me to be at the heart of the continuing fascination and relevance of Sartre's life and work».

11. *Кохут Х.* Восстановление самости. М.: Когито-Центр, 2017. 316 с.
12. *Коллинз Р.* Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф. 2002. 1284 с.
13. *Куликова О. Д.* Сартромания как феномен общественной жизни Франции в конце 1940–1950-х годов // Вестник ЯрГУ. 2014. № 4 (30). С. 15–18. (Серия Гуманитарные науки.)
14. *Мак-Вильямс Н.* Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе. М.: Независимая фирма «Класс», 2021. 592 с.
15. *Разумова А. О.* Писательское становление автобиографического героя в «Словах» Ж.-П. Сартра // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2015. 10 (163). С. 146–149.
16. *Романчук С. В.* Макросоциальная динамика текущего кризиса с позиции бессознательного // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Т. XIX. Вып. 4. Хабаровск. 2022. С. 28–37.
17. *Сартр Ж.-П.* Слова. М.: АСТ, 2022. 224 с.
18. *Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов: сб. / Под общ. ред. А. А. Яковлева. М.: Политиздат, 1989. С. 319–344.
19. *Столороу Р., Брандшафт Б., Атвуд Д.* Клинический психоанализ. Интерсубъективный подход. М.: Когито-Центр, 1999. 252 с.
20. *Фрейд З.* Невроз дьявола в семнадцатом веке (1923) // З. Фрейд. Собр. соч. в 10 т. Т. 7: Навязчивость, паранойя и перверсия. М.: ООО «Фирма СТД», 2006. С. 283–323.
21. *Шлейермахер Ф.* Герменевтика. СПб.: Европейский Дом. 2004. 242 с.
22. *Шуринова Н. С.* Перформанс Ж.-П. Сартра: политический, психологический, литературно-философский аспекты отказа от Нобелевской премии // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 2. С. 193–202.
23. *Шуринова Н. С.* «Слова» Ж.-П. Сартра как пример автобиографического романа // Научная мысль Кавказа. 2017. № 1 (89). С. 118–122.
24. *Хорни М., Сталь Г.* (2017) Ненависть любви. Логика перверсивных парных отношений / Пер. М. В. Евграшиной. URL: <https://ievgrashyna.de/science/perverse-relationship-introduction/?cn-reloaded=1> (дата обращения: 07.07.2023)
25. *Bartosiak K.* (2017). Biografia mnie wyzwoli... Jean-Paula Sartre'a projekt terapeutyczny. Filozofia Publiczna I Edukacja Demokratyczna, 6(1), 167–202.
26. *Beauvoir S. de.* (1984). Adieux: A Farewell to Sartre. New York: Pantheon Books. 480 p.
27. *Charmé S.* (1982). Normative and Religious Elements in Sartre's Existential Psychoanalysis. Journal of the American Academy of Religion. Vol. L. Iss. 4. December. P. 557–574.
28. *Collins D.* (2014) The dialectic of narcissism // Sartre: collection edited by C. Howells. Published by Routledge URL: <https://www.taylorfrancis.com/books/edit/10.4324/9781315844084/sartre-christina-howells> (дата обращения 24.06.23).
29. *Crozier M.* (1964). The Cultural Revolution: Notes on the Changes in the Intellectual Climate of France. Special Issue. A New Europe? Daedalus. Vol. 93.

- No. 1. Winter. P. 514–542. URL: <https://www.jstor.org/stable/20026841> (дата обращения 06.07.2023)
30. *Fulton A.* (1994) Apostles of Sartre: Advocates of Early Sartreanism in American Philosophy. *Journal of the History of Ideas*. Jan., 1994. Vol. 55. No. 1. Jan. P. 113–127. URL: <https://www.jstor.org/stable/2709956> (дата обращения 24.06.23)
31. *Gordon F.* (2014). A parodic strategy – Sartre's *Les Mots* // Sartre: collection edited by C. Howells. Published by Routledge. URL: <https://www.taylorfrancis.com/books/edit/10.4324/9781315844084/sartre-christina-howells> (дата обращения 24.06.23)
32. *Hamilton C.* (2021). ‘Someone is missing’: Jean-Paul Sartre, comédie and the Longing for Necessity. In: *Philosophy and Autobiography*. Palgrave Macmillan, Cham. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-030-70657-9> (дата обращения 24.06.23)
33. *Howells C.* (2014) Introduction // Sartre: collection edited by C. Howells. Published by Routledge. URL: <https://www.taylorfrancis.com/books/edit/10.4324/9781315844084/sartre-christina-howells> (дата обращения 24.06.23)
34. *Lasch C.* (1991). *The culture of narcissism: American life in an age of diminishing expectations*. New York: W.W. Norton.
35. *Plessis G. Du.* (2022). A Philosophical Analysis of Sartre’s Critique of Freud’s Depth-psychological Account of Self-Deception. *Qeios* 1 (1):1–9. URL: <https://www.qeios.com/read/DV7GYF> (дата обращения 05.07.2023)
36. *Scriven M.* (1999). Postscript: A Final Word on Sartre. In: *Jean-Paul Sartre*. Palgrave Macmillan, London. URL: https://doi.org/10.1007/978-1-349-27564-9_10 (дата обращения 05.07.2023)
37. *Whitmire John F., Jr.* The Double Writing of "Les Mots": Sartre's "Words" as Performative Philosophy. *Sartre Studies International*. Vol. 12. No. 2 (2006). P. 61–82.

Based on "Words": psychoanalysis of autobiography

O. V. Pavlovskaya, S. V. Romanchuk

Pavlovskaya Olga V., PhD, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy, Journalism and Media at the Institute of Social and Humanitarian Sciences of Tyumen State University.

Romanchuk Stanislav V., psychologist in private practice.

The article attempts to approach the autobiographical text of J.-P. Sartre as the material of a client in psychoanalysis. Thus, we present a new view of existentialism in its historical context and explain the phenomenon of the philosopher's long-term popularity. In the study, we proceed from the assumption that any elements of biography that fall into the "Words" have affective significance for the author, therefore, in some sense they are true, but we reserve the freedom of interpretation of these elements and are critical of the philosopher's reflection. We are introducing into the tradition of analyzing historical texts achievements of modern (intersubjective) psychoanalysis: in addition to the model of intrapsychic conflict, we use the model of deficit and the model of trauma. Consistently considering the role characteristics of the members of Sartre's parental family and the youngest Jean-Paul, as well as the protective patterns of Sartre-small and Sartre-adult, we classify the structure of his personality as predominantly narcissistic. We state that the experiences of inner emptiness, shame, inauthenticity of his being, and imposture that remained unprocessed, which largely determined the themes of his philosophy and literary works, did not allow Sartre to adequately differentiate his childhood emotional states. It was also only partially possible to compensate for the defect of the "Ego" with the help of literary creativity, but this creativity still made Sartre the "Guru to an Age". His contemporaries felt what he presented as an expression of their own problematic material, previously unconscious and formless, as well as a semantic space in which this material can be placed.

Keywords: existentialism, intersubjective psychoanalysis, autobiography, personality structure, narcissism, deficit, self-object function, group dynamics.